

LATVIJAS UNIVERSITĀTE

MAGISTRA DARBS

RĪGA 2020

LATVIJAS UNIVERSITĀTE
HUMANITĀRO ZINĀTŅU FAKULTĀTE
RUSISTIKAS UN SLĀVISTIKAS NODAĻA

**PAŠREPREZENTĀCIJAS ĪPATNĪBAS GEORGIJA EFRONA
DIENASGRĀMATĀS**

MAĢISTRA DARBS

Autore: **Marine Hačaturjana**

Studenta apliecības nr. mh18080

Darba vadītāja: Doc. Dr. Philol. Tatiana Baryshnikova

RĪGA 2020

ЛАТВИЙСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
ФАКУЛЬТЕТ ГУМАНИТАРНЫХ НАУК
ОТДЕЛЕНИЕ РУСИСТИКИ И СЛАВИСТИКИ

**ОСОБЕННОСТИ САМОРЕПЕРЕЗЕНТАЦИИ В ДНЕВНИКАХ ГЕОРГИЯ
ЭФРОНА**

МАГИСТЕРСКАЯ РАБОТА

Автор: **Маринэ Хачатурян**

Номер студ. билета: mh18080

Научный руководитель: Doc. Dr. Philol. Татьяна Барышникова

РИГА 2020

Маринэ Хачатурян

Особенности саморепрезентации в дневниках Георгия Эфрона: магистерская работа. Рига, 2020 – 93 с.

Аннотация

Магистерская работа посвящена выявлению особенностей саморепрезентации на материале дневниковых записей Георгия Эфрона 1940-х годов.

В первой части исследования рассматриваются особенности дневниковых текстов, а также подходы к изучению эго-текстов в русском и западном литературоведении. Помимо этого, особое внимание уделяется творчеству Г.С. Эфрона в целом – поэтическим и прозаическим произведениям, а также переводческим работам. Для более полного и точного понимания дневниковых текстов Г.С. Эфрона, обзорно рассматриваются также эпистолярные тексты. Вторая часть исследования посвящена анализу особенностей выбранных для исследования дневниковых записей, раскрывается мотивное и тематическое поле представленных тетрадей, и на основе этого – выявляются особенности авторской саморепрезентации.

Магистерская работа адресована студентам-филологам, а также исследователям, изучающим творчество Г.С. Эфрона.

Ключевые слова: дневник, эго-текст, мемуары, автобиографические жанры, Георгий Эфрон, саморепрезентация, литературный портрет.

Marine Hačaturjana

Pašrepresentācijas īpatnības Georgija Efrona dienasgrāmatās: maģistra darbs. Rīga, 2020. – 93. lpp.

Anotācija

Maģistra darbs ir veltīts pašrepresentācijas īpatnību noteikšanai uz Georgija Efrona dienasgrāmatas ierakstu materiāliem (1940.-1943.g.).

Pētījuma pirmajā daļā ir aplūkoti dienasgrāmatas žanra īpatnības, kā arī novērtētas zinātniskas pieejas krievu un rietumu literatūrzinātnes ego-tekstu pētīšanas tradīcijā. Turklāt, īpaša uzmanība tiek pievērsta G. Efrona daiļradei kopumā – viņa poēzijai un prozas tekstiem, kā arī tulkošanas darbiem. Pilnīgai un pilnvērtīgai G. Efrona dienasgrāmatas tekstu saprašanai, vispārīgi ir aplūkoti arī autora epistolārie teksti. Pētījuma otra daļa ir veltīta izvēlēto dienasgrāmatas ierakstu īpatnības noteikšanai, tiek atklāts analizēto tekstu tematisks un motīvu lauks, un pamatojoties uz atklāto – ir noteikti autora pašrepresentācijas īpatnības.

Maģistra darbs ir adresēts studentiem-filologiem un pētniekiem, kuri aplūko un pēta G. Efrona daiļradi.

Atslēgvārdi: dienasgrāmata, memuāri, ego-teksts, autobiogrāfiskie žanri, Georgijs Efrons, pašrepresentācija, literārais portrets.

Marine Hačaturjana

Peculiarities of Self-Representation in the Diaries of Georgy Efron: masters paper. Riga, 2020 – 93 p.

Abstract

The master's paper is dedicated to identifying the peculiarities of self-representation on the material of diary entries by Georgy Efron of the 1940s.

The first part of the research discusses the features of diary records and approaches to the study of ego-texts in Russian and Western literary criticism. In addition, special attention is paid to the work of G. Efron as a whole – to poetic and prose literary works, as well as translation works. For a more complete and accurate understanding of Efron's diary texts, epistolary texts are also reviewed. The second part of the study is devoted to the analysis of the features of the diary entries selected for the present research, as well as the motive and thematic fields of the presented notebooks are revealed, and based on this, the features of the author's self-representation are identified.

The current master's paper is addressed to philology students, as well as researchers studying G. Efron's work.

Keywords: diary, memoirs, ego-texts, autobiographical genres, Georgy Efron, self-representation, literary portrait.

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	1
ГЛАВА 1. ТВОРЧЕСТВО Г.С. ЭФРОНА В КОНТЕКСТЕ ПРОБЛЕМ ИЗУЧЕНИЯ ЭГО-ТЕКСТОВ В СОВРЕМЕННОМ ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИИ	4
1.1. Подходы к изучению дневниковых текстов в современном литературоведении	4
1.1.1. История изучения дневниковых текстов	4
1.1.2. Изучение дневниковых текстов в русской и западной традиции	8
1.1.3. Специфика жанра дневника	13
1.2. Жизненный путь Г.С. Эфрона	18
1.2.1. Мемуарное и эпистолярное творчество Г.С. Эфрона	22
1.2.2. Художественное творчество и переводческая деятельность Г.С. Эфрона	31
ВЫВОДЫ К ПЕРВОЙ ГЛАВЕ	37
ГЛАВА 2. СПОСОБЫ РЕАЛИЗАЦИИ СТРАТЕГИИ САМОРЕПРЕЗЕНТАЦИИ В ДНЕВНИКАХ Г.С. ЭФРОНА	39
2.1. История публикации дневниковых текстов Г.С. Эфрона	39
2.2. Общая характеристика дневниковых тетрадей Г.С. Эфрона	40
2.3. Способы саморепрезентации в дневниках Г.С. Эфрона	57
2.3.1. Я – взрослые	59
2.3.2. Я – семья	63
2.3.3. Я – сверстники	67
2.3.4. Я – женщины	70
2.3.5. Я – Россия	72
2.3.6. Я – СССР	75
2.3.7. Я – Франция	77
2.3.8. Я – свидетель и участник исторических событий	80
2.3.9. Я – читатель	82
ВЫВОДЫ КО ВТОРОЙ ГЛАВЕ	85
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	88
Список использованной литературы	90

ВВЕДЕНИЕ

Личность Г.С. Эфрона в широких исследовательских кругах до сих пор остается недостаточно изученной. Корпус мемуарных и художественных текстов, которые создавал автор в течение своей короткой жизни, начинает частично публиковаться с середины 90-х годов XX-го века. Однако, основательного и подробного научного комментария или обоснования мемуарные тексты Г.С. Эфрона до сих пор не получили. Исключение составляют литературно-критические статьи, которые дают лишь общий взгляд на особенности жизни и творческого пути автора.

Дневниковые записи Г.С. Эфрона – уникальное свидетельство эпохи, которое представляет собой фиксацию событий начала Второй мировой войны, свидетелем которых становится автор, представляя помимо этого, свой собственный, аналитический взгляд на происходящие события, опираясь на свидетельства советских и зарубежных СМИ. При этом, личные дневники Г.С. Эфрона – еще один важный ключ к пониманию его личности, мотивов художественного и нелитературного творчества, которое отражено на страницах анализируемого издания.

Для современной гуманитарной науки актуальным является интерес к текстам автобиографического характера, что проявляется в организации и проведении конференций и дискуссионных мероприятий, предметом которых становятся непосредственно эго-тексты. Среди ключевых мероприятий стоит обозначить следующие конференции: «Автобиографические свидетельства в европейской традиции: междисциплинарные перспективы исследований» (Москва), «Отражение себя. Автобиографические жанры и мемуары в русской культуре XIX и XX веков» (Падуя), «Пространство памяти. Автобиографические жанры и мемуары в русской культуре и в европейском контексте» (Москва), «“Революция памяти”: Советская история в источниках личного происхождения» (Москва), «Лотмановские чтения: время, история, биография. Теоретические аспекты изучения эго-текстов» (Таллинн), а также «[Само]репрезентация в литературе: судьбы забытых текстов» (Рига).

В последние годы возросла и публикация научных журналов, чья деятельность сосредоточена на изучении и рассмотрении эго-литературы, и в том числе дневниковой прозы. Среди ключевых изданий – журналы «Autobiografija» и «European Journal of Life Writing», которые стали – «“мостом” между Западом и Россией» [Гуллотта, Кривеллер 2018:

389], давая возможность исследователям знакомиться с научным опытом зарубежных коллег и применять его в дальнейших исследованиях.

Актуальность настоящей работы обусловлена отсутствием монографических исследований, посвященных жизни и творческому пути Г.С. Эфрона, а также широким интересом современного литературоведения к рассмотрению и изучению корпуса мемуарной и автобиографической литературы, которая в научной терминологии определяется понятием «эго-текст».

Объектом данного исследования являются дневники Г.С. Эфрона периода с 1940-го по 1943-й год.

Предметом исследования являются способы и средства реализации стратегии саморепрезентации, которые проявляются на страницах дневников Г.С. Эфрона.

Материалом исследования стали тексты дневников Г.С. Эфрона, опубликованные в двухтомном издании под общими названиями «Неизвестность будущего» (2017) и «Записки парижанина» (2018).

Целью настоящего исследования является выявление особенностей саморепрезентации на страницах анализируемых дневниковых записей. Для достижения цели, были поставлены соответствующие **задачи**:

- дать определение жанру дневника и эго-текстам, частью которых является дневниковая проза;
- рассмотреть различные подходы к изучению дневниковых текстов в современном литературоведении;
- охарактеризовать творческий путь Г.С. Эфрона, опираясь на доступную научную и критическую литературу;
- изучить дневниковые тетради Г.С. Эфрона: выявив тематические, композиционные и стилистические особенности;
- выявить и определить особенности авторской саморепрезентации в анализируемых дневниках;
- проанализировать и обобщить полученные результаты исследования.

В магистерской работе используются следующие **методы исследования**: поисковой, что проявляется в отборе научной информации для исследования; аналитический, при анализе выбранных для работы текстов; сравнительно-сопоставительный, для анализа и сопоставления дневниковых текстов Г.С. Эфрона; структурно-семантический, что проявляется в выявлении способов реализации стратегии саморепрезентации в конкретных текстах.

Методологическая база исследования представляет научные труды, посвященные специфике жанра дневника и эго-текстов [Л.Я. Гинзбург, В.В. Гудкова, П. Деотто, К. Cardell, G. Gusdorf, Ph. Lejeune, С. Bogaert, F. Scrivano, F. Simonet-Tenant, О.Г. Егоров, А.А. Зализняк, М.Ю. Михеев, И.П. Сапунова, L. Luzewiz], работы, обращенные к проблематике изучения текстов автобиографического характера в традиции русского и западного литературоведения [Д.М. Галлиулина, А. Гуллотта, К. Кривеллер, Г. Янке, Ю.П. Зарецкий, Е.К. Карпенко, А.А. Курносов, М.Н. Черноморский] и литературно-критические статьи и свидетельства современников, обращенные к жизненному и творческому пути Г.С. Эфрона [М.И. Белкина, Т.М. Горяева, Е.Б. Коркина, В.К. Лосская, А.И. Попова, В. Бабицкая, И.Ю. Белякова, С.С. Беляков, Д. Бурлакова, Р.Б. Вальбе, А.И. Мошковский, Д.В. Сеземан, И. Шевеленко].

Работа состоит из введения, двух глав – теоретической и практической, выводов по каждой главе, заключения и списка использованной литературы. В **теоретической части** представленной магистерской работы рассматриваются понятия дневника и эго-текста, исследуются основные подходы к изучению дневниковых текстов в современном литературоведении, а также дается характеристика жизненного и творческого пути Г.С. Эфрона. **Практическая часть** исследования состоит из анализа дневниковых текстов Г.С. Эфрона и последующего выявления авторских саморепрезентаций и их особенностей.

Материалы магистерской работы были частично апробированы в рамках двух международных конференций – «Глобальные и локальные процессы в славянских языках, литературе и культуре» в 2019-м году (Латвийский университет); «XXX Научные чтения» в 2020-м году (Даугавпилсский университет).

Список использованной литературы насчитывает **42** наименования.

ГЛАВА 1. ТВОРЧЕСТВО Г.С. ЭФРОНА В КОНТЕКСТЕ ПРОБЛЕМ ИЗУЧЕНИЯ ЭГО-ТЕКСТОВ В СОВРЕМЕННОМ ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИИ

1.1. Подходы к изучению дневниковых текстов в современном литературоведении

В современном литературоведении дневниковые тексты или дневниковая проза, рассмотрению которой посвящено данное исследование, является составляющей эго-документальной литературы. Вопрос подхода к изучению литературы такого плана до сих пор остается открытым несмотря на то, что в литературоведении и смежных науках, дневниковые тексты активно изучаются более двух десятилетий. Исследователи, представители русского и западного литературоведения сходятся во мнении, что дневниковые тексты, как и любой другой текст мемуарного характера – необходимо изучать вне рамок исключительно одной науки, обращаясь к тексту, как к явлению междисциплинарного характера. Такой подход, по мнению исследователей, чьи точки зрения будут представлены ниже – может помочь в более глубоком и всестороннем изучении эго-литературы, выявляя таким образом, новые, современные подходы к изучению текстов автобиографического характера.

Тем не менее, стоит отметить, что на сегодняшний день все еще актуальны разные подходы к изучению дневниковых текстов у представителей русского и западного литературоведения, но, появляется все больше площадок и возможностей для равнозначного обмена опытом, что впоследствии оказывает влияние на дальнейшие исследования в области эго-литературы: уже сейчас, на материале публикуемых научных журналов, посвященных эго-текстам видно, что исследователи, представители разных школ, находят точки соприкосновения, что дает возможность иначе подойти к тексту, который уже был изучен и представлен публике, а также раскрыть новые произведения читательской и научной аудитории, обращаясь к опыту зарубежных коллег и применяя его в своих исследованиях.

1.1.1. История изучения дневниковых текстов

Дневниковая проза, в отличие от родственных ей автобиографических жанров, стала предметом систематического анализа в последние два десятилетия. За это время литературная критика с нарастающим интересом обращается к исследованию дневниковых

практик, пытаюсь наметить характерные особенности данной разновидности автобиографического письма, что до сих пор остается для представителей некоторых теоретических направлений «разнородной и сложной структурой» [Деотто 2018: 11], из-за чего литературоведы сталкиваются в попытках дать наиболее точное определение дневникам.

Главным поворотом в истории изучения дневниковых текстов Олег Егоров считает вторую половину XX-го века, когда был намечен поворот в сторону изучения некоторых аспектов дневниковой прозы. Главным событием в этом направлении было признание дневника литературным памятником, что было обозначено фактом его публикации в серии «Литературные памятники». В это время, подчеркивает исследователь, дневник перестал восприниматься только как «вспомогательный, служебный материал для научных исследований в области литературы, истории и других общественных наук» [Егоров 2003: электронный ресурс], – таким образом, состоялось новое осмысление литературоведческой мыслью дневника, как научной проблемы. Тем не менее, отмечает автор, одной из проблем в осмыслении понятия – все еще оставалась многозначность жанрового определения дневника, что проявлялось в сложности теоретического подхода к данному явлению литературы. На эту особенность также указывает Франсуаза Симонет-Тенан, подчеркивая, что дневник представляет собой открытую и свободную форму, из-за чего «время, запечатленное в живой ткани личных и частных заметок, с трудом поддается жестким классификациям» [Simonet-Tenant 2004: 29], – таким образом, проблема определения дневника до сих пор остается актуальной и дискутируемой.

Важной и необходимой составляющей изучения дневниковых и автобиографических текстов стала организация соответствующих тематических конференций, где исследователи, представители различных направлений получили возможность делиться результатами исследований с широкой научной публикой, а также обмениваться профессиональным опытом с коллегами со всего мира. Одной из таких площадок стала конференция «Автобиографические сочинения в междисциплинарном исследовательском поле: люди, тексты, практики» – основной целью которой стала инициация открытых дискуссий о личных свидетельствах людей, а также о методах их исследования представителями разных областей науки – истории, культуры, филологии, философии, психологии и социологии [Карпенко 2017: 255]. Как правило, такого рода конференции и дискуссии позволяют показать широту исследовательского диапазона автобиографических

свидетельств, что в дальнейшем, по утверждениям Елены Карпенко, позволит ввести в научный оборот определенные имена и создаваемые ими тексты, тем самым, будут расширены представления об истории [Карпенко 2017: 258]. Таким образом, исследования такого типа помогут в реконструкции эмоционального мира людей, находящихся в определенных временных обстоятельствах.

На актуализацию жанра дневника, а также широкий интерес исследователей к анализируемой проблеме указывает исследовательница Кайли Карделл, которая делает акцент на разнообразие дневниковых практик и форм, отмечая необходимость глубокого изучения дневниковых текстов, утверждая, что тексты такого рода, относящиеся к источникам личного происхождения – обладают определенным потенциалом, привлекая своими свойствами широкую публику исследователей [Cardell 2014]. Исследователи, представители как русского, так и западного литературоведения сходятся во мнении, что интерес к изучению дневниковых текстов может быть обусловлен следующими параметрами, на что также указывает в своей статье Габриэла Янке, систематизируя данные параметры: 1) дневниковые записи могут показать взгляды представителей определенного общества; 2) благодаря множеству сюжетов, которые автор отбирает для своего повествования, дневниковые записи дают возможность раскрыть более глубокие связи конкретного общества; 3) для более детального понимания их функционирования в качестве средства коммуникации специфической формы, будет важен их актуальный контекст; 4) вместе с тем, интерес для исследователей могут представлять те современные контексты, которые служат для читателей и ученых определенной системой направлений в исторических исследованиях [Янке 2019: электронный ресурс]. Комментируя предложенную систему Г. Янке, стоит отметить, что в действительности, подходов к изучению текстов такого рода может быть множество, так как, несмотря на попытки авторов систематически изучать данный жанр, дневниковая проза все еще остается жанром, недостаточно осмысленным теоретически.

В своем теоретическом докладе «Зачем автобиографии исследователям?», историк Юрий Зарецкий отметил массовый публичный интерес к автобиографическим и мемуарным повествованиям, как к источникам, которые могут дать читателю информацию о другом авторском «я» [Зарецкий 2013: электронный ресурс], представляя, таким образом – путь индивидуального накопления знаний, которые фиксируются на письме, после чего, приобретая печатную форму, становятся объектом библиографического описания

[Зарецкий 2013: электронный ресурс]. В то же время, изучение документов автобиографического характера представляет собой и анализ «фундаментальных свойств литературных и соседних рядов» [Кривеллер 2012: 17], где будут буквально рассматриваться «отношения между автором и текстом, реальностью и вымыслом, жанрами и их эволюцией, произведением и его историко-социальным контекстом» [Кривеллер 2012: 17]. В свою очередь, дневники, как и другие виды автобиографических текстов, являются источниками, расширяющими представления современного читателя об истории. Дневники, как жанр, по утверждениям Г. Янке – исключительно ценны для исследователей общества на микроуровне в целом, как явление, которое включает особенности повседневной жизни и их последовательность в большом приближении [Янке 2019: электронный ресурс]. Продолжая утверждение автора, стоит отметить, что несмотря на уже утвердившийся самостоятельный статус дневниковой прозы, литературоведам, представителям гуманитарных наук, свойственно обращаться к дневниковому тексту, как к вспомогательному материалу источниковедческого характера, свидетельства которого помогают в составлении биографий, исследовании частных проблем историко-литературного характера [Егоров 2003: электронный ресурс]. Аналогичной точки зрения придерживается Фабрицио Скривано, отмечая, что дневниковый текст до сих пор может выступать как одно из свидетельств эпохи, представляя собой пространство, которое ориентировано на запись хроники, и, соответственно, каждая выполненная запись будет восприниматься как документ, цель которого – зафиксироваться во времени [Scrivano 2014: 77], оставаясь свидетельством эпохи, которое потенциально может быть прочитано и переходить из рук в руки.

Анна Зализняк в своей статье отмечает, что дневник, в рамках традиционной эпистемологии может изучаться для разных целей, и, соответственно, быть предметом изучения в пределах разных наук. Автор предлагает обозначить пути изучения дневниковых текстов следующим образом: 1) извлекая факты биографии пишущего: отмечая особенности его личности, факты его внешней и внутренней жизни, отношения с окружающими его социальными группами и т.д. (прежде всего, данный способ анализа автор относит к записям известных людей – писателей, музыкантов, ученых, политических деятелей и т.д.); 2) извлекая сведения, которые касаются упоминаемых в дневниках реальных людей, событий и обстоятельств. С этой целью исследователь может обращаться к дневникам любых авторов – что будет ближе историкам; 3) извлекая сведения, которые касаются

устройства человеческого сознания: механизмов работы памяти, рефлексии, оценки, эмоций, мышления, вербализации опыта, творческой деятельности – что будет ближе психологам; 4) изучение дневниковых текстов, как типа коммуникативной деятельности и типа текстов. Такой подход к изучению дневниковых записей больше будет актуален среди лингвистов, литературоведов (в частности, отмечает автор – в области нарратологии, что находится на стыке), а также среди семиотиков и культурологов [Зализняк 2010: электронный ресурс]. Соответственно, продолжает автор – объектом изучения таких материалов может стать автор дневника, описываемые им обстоятельства, человек как сущность, непосредственно текст (с разных точек зрения) [Зализняк 2010: электронный ресурс]. В последней задаче, подчеркивает А. Зализняк, дневник будет являться не источником сведений об интересующем исследователя объекте, а непосредственным объектом исследования.

1.1.2. Изучение дневниковых текстов в русской и западной традиции

Как подчеркивает в своей статье Клаудия Кривеллер, современные исследователи, представители разных теоретических направлений, стараются соединить в равной степени богатые и сложные традиции автобиографических исследований: с одной стороны западную традицию (в особенности французскую и англосаксонскую), которой более пяти десятилетий; с другой стороны русскую традицию, в которой успешно, но не системно изучается обширный свод автобиографических документов [Кривеллер 2012: 15]. Из этого следует, что тексты мемуарного характера представляют собой актуальное явление для изучения в литературоведении всего мира, но в то же время, традиция западного подхода включает в себя более системное изучение мемуаристики, что еще не столь развито в русской традиции, которая, по утверждениям исследовательницы, находится в стадии введения системного подхода к изучению автобиографических текстов.

Русская словесность богата всевозможными формами эго-документов: мемуарами, дневниками, автобиографиями, автобиографическими романами, и их изучение, как показывают теоретические и критические работы формалистов начала XX века – является одной из ключевых тем в истории русской литературы [Гуллотта, Кривеллер 2018: 385]. Ирина Сапунова, продолжая данное утверждение подчеркивает, что в русской традиции изучения эго-текстов, исследователи обращаются к рассмотрению датировки, подготовке комментария, отражению в эго-текстах истории издания произведений, а также дешифровке

рукописей с применением специальных технологий [Сапунова 2018: 346]. Исследователи сходятся во мнении, что в научной среде на сегодняшний день, многие русские исследования, даже в переводах на европейские языки малоизвестны за пределами исключительно русистики. Так, работы Юрия Тынянова о «литературном факте» и его положении в системе литературы, а также его работы о художественных элементах эго-документов (Тынянов 1975), переведены на западноевропейские языки и подробно изучены, в то же время, фундаментальная работа о художественности в биографии Григория Винокура (Винокур 1927), благодаря которой ее изучение в России становится «научной» областью, западным исследователям остается практически незнакома [Гуллотта, Кривеллер 2018: 385]. При этом, существует большой свод исследовательских работ, которые также остались за пределами внимания западных исследователей – сюда относят работы советских и современных критиков и теоретиков литературы о жанре «нон-фикшн» или «документальной прозе». Из этого следует, что недостаточная известность работ российских и советских исследователей не позволяет увидеть всю важность этого вклада в дискуссию о жанрах автобиографии и биографии, которая получила развитие на Западе в 1950-е годы. [Гуллотта, Кривеллер 2018: 385], из-за чего, долгие годы процесс изучения документальной прозы, и в том числе дневниковой прозы – не развивался.

Отмечают авторы и то, что множество интересных, перспективных, но малоизвестных исследований, посвященных мемуарным жанрам, находятся «в тени» других, знаменитых работ русских ученых: Л.Я. Гинзбург, посвященной психологической прозе (1977), М.М. Бахтина о жанре и типологии биографии (1975), Ю.М. Лотмана о достоверности фактов и их восприятию читательским сознанием (1986) [Гуллотта, Кривеллер 2018: 386]. С другой стороны, отмечая осведомленность о западных исследованиях в русском литературоведении, авторы статьи подчеркивают, что известные фундаментальные работы Запада, которые создавались с середины 50-х годов, внесшие существенный вклад в данную научную область – например, работы Г. Гусдорфа (1972) и Р. Манделя (1980), чьи труды получают развитие, в первую очередь, в англоязычных странах, а также во Франции, Северной Европе – остаются не переведены, и долгое время были недоступны русскому литературоведению, соответственно, отсутствуя в дискуссиях по русской проблематике [Гуллотта, Кривеллер 2018: 386]. К ним авторы статьи относят группу междисциплинарных исследований автобиографии Высшей школы экономики (ВШЭ), чьи исследователи предлагают использовать общеевропейские подходы и методологии. Помимо стратегии,

которую предлагает ВШЭ, авторы указывают на другую важную международную научную группу, которая была создана в 2012-м году в рамках проекта, финансируемого Падуанским университетом (Италия), публикуя тематический, рецензируемый журнал «Avtobiografija» (доступно на: <http://www.avtobiografija.com>), чья деятельность сосредоточена на изучении авторепрезентации в русской и славянских культурах [Гуллотта, Кривеллер 2018: 386].

Такого рода тематические журналы, посвященные изучению многообразия исключительно эго-документов довольно многочисленны. В качестве примера стоит отметить следующие издания: журнал международной ассоциации изучения автобиографии – «European Journal of Life Writing» (доступно: <http://www.ejlw.eu>), а также другие издания, посвященные национальным литературам, список которых опубликован на личном сайте Ф. Лежена – автора известного «автобиографического пакта» (доступно: <http://www.autopacte.org>). [Гуллотта, Кривеллер 2018: 386]. Основатели журнала «Avtobiografija» в своей работе придерживаются концепции интегрирования двух разных научных традиций, отмечая, что «диалог исследователей является эффективным средством комплексного изучения автобиографического наследия разных культур» [Гуллотта, Кривеллер 2018: 386]. Таким образом, научные журналы, посвященные рассмотрению и изучению эго-литературы – являются местом взаимодействия ученых разных стран и представителей разных научных традиций.

Публикация соответствующих изданий в научном и исследовательском мире – возможность рассматривать традиционные и современные тенденции в изучении эго-документов, сравнивая используемую в разных научных традициях терминологию и предлагая новую, разрабатывая теоретические аспекты изучения дневников, автобиографических заметок, эпистолярной и других эго-текстов, которые принадлежат к разному времени и направлениям культуры [Гуллотта, Кривеллер 2018: 387]. Важно отметить, что подобного рода узкоспециализированные дискуссионные площадки предоставляют возможность открытия новых направлений в изучении известных произведений, что способствует всестороннему изучению жанра, увеличивает осведомленность научного сообщества об актуальных и потенциально-актуальных проблемах в исследовании эго-литературы. Таким образом, рассмотрение важных теоретических вопросов группой литературоведов, представителей смежных наук, которая складывается вокруг подобных публикуемых площадок, позволяет исследователям

«преодолеть идею эго-документов, как источника исключительно биографического» [Гуллотта, Кривеллер 2018: 387], сблизив тем самым, научные традиции.

Исследовательница Диляра Галиуллина в своей статье отмечает, что методика изучения любого мемуарного текста в русском литературоведении, на сегодняшний день будет разрабатываться с учетом специфики структуры текста. При этом, в настоящее время, при работе с автобиографическими текстами, исследователи опираются на общепринятые и специфические критерии и **методы источниковедческого анализа** [Галиуллина 2009: 38]. Таким образом, опираясь на представленный ранее подход – анализ мемуарного текста будет включать в себя изучение происхождения источника и его содержания, установление авторства, времени и места создания, мотивов в написании текста и его назначение, а также подлинность материала, что предполагает текстологическую работу с источником.

В целом, подчеркивает исследовательница, в русском литературоведении, в изучении эго-текстов, научные деятели опираются на **историко-культурный подход**, где мемуарный текст рассматривается, как источник для изучения отраженной в нем эпохи, о чем ранее также упоминал О. Егоров, в то же время, опираясь и на **типологический подход**, изучая мемуарный текст, как источник с собственной историей [Галиуллина 2009: 38]. Ранее исследователями был предложен план **критического анализа текстов** мемуарного характера, как исторических источников. Данный подход предполагает изучение природы мемуарного текста – времени создания, формы существования, выдвигая вопрос об авторстве и обращении к предполагаемым источникам, которые стали материалами для создания эго-текста, устанавливая при этом, полноту и достоверность мемуарного текста [Черноморский 1959: 6-7]. Другой исследователь, Алексей Курносов, при анализе мемуарных источников предлагал использовать методы логического, текстологического и сравнительного изучения. По его мнению, **логический** подход к тексту может считаться первоначальным этапом внутренней критики текста. Он заключается в прочтении, с целью выявления структуры текста, особенностей сообщений. Логический анализ текста, по мнению автора, дает основание для предварительной оценки их соотношения с реальностью. В свою очередь, при **текстологическом** анализе будут рассматриваться различные варианты текста и его первоисточник, в то время, **сравнительный** анализ направлен на раскрытие и оценку так называемого «...информационного потенциала исследуемого источника, его сопоставление с другими данными и сообщениями» [Курносов 1969: 478]. В представленных концепциях изучения эго-литературы, и в том числе

дневниковых текстов, можно выявить схожие направления – где в первую очередь будет рассматриваться природа текста, после чего выявляются его текстологические особенности. Виолетта Гудкова в своей статье отмечает, что одним из ключевых открытий последних десятилетий XX-го века в российских гуманитарных науках – стало осознание принципиальной важности личного документа, в качестве одного из инструментов создания «большой истории» страны [Гудкова 2016: 18], оставаясь, при этом важнейшим документом познания человека. Предлагая свой вариант в подходе к изучению автобиографических текстов, В. Гудкова предлагает посмотреть на текст через **рассмотрение биографии одного человека**, как отдельно взятой персоны, так и через **общее рассмотрение ряда биографий его современников**, утверждая, что оба метода могут представить важные результаты [Гудкова, 2016: 25]. Необходимость такого подхода автор объясняет тем, что полноценного литературоведческого исследования мемуарного текста не может быть без знания историко-культурного контекста, в котором создавался тот или иной документ. Историко-культурный контекст, в свою очередь, позволит уточнить реалии, углубляющие интерпретацию текста [Гудкова 2016: 30], что позволит определить авторские стратегии в создании того или иного мемуарного текста.

Как отмечает К. Кривеллер, одной из ведущих проблем русского литературоведения в подходе к изучению работ автобиографических жанров, является их крайняя фрагментарность и труднодоступность результатов, что также осложняется отсутствием как таковых исследований в сети [Кривеллер 2012: 16]. В то же время, современные исследования и площадки в открытом доступе могут помочь в решении данной проблемы, предоставив литературоведам свободную площадку для публикации исследований, что впоследствии может ускорить процесс ознакомления широкой исследовательской и заинтересованной публики в автобиографических и мемуарных текстах.

Если говорить о точках соприкосновения, существующих в пространстве русского и западного литературоведения, стоит отметить, что исследователи обеих традиций сходятся во мнении, что тексты мемуарного характера, в том числе дневниковые записи – это свидетельства эпохи и возможность узнать особенности человеческой личности от лица этой личности. Важно отметить, что изучение такого текста, подчеркивает Л. Луцевич, должно быть междисциплинарным, что поможет в более глубоком понимании автора текста, его разнообразных «чувственно-мыслительных процессов, которые выражаются в слове» [Луцевич 2007: электронный ресурс]. Вне обозначенного междисциплинарного

подхода к изучению эго-текстов, попытки соотнесения современной лингвистики, психологии, философии, социологии, культурологии и других дисциплин, – исследователи столкнутся с определенными трудностями в представлении содержательного диалога по любой обозначенной проблеме [Луцевич 2007: электронный ресурс], что касается не только явления эго-текстов, но и проблем художественной литературы.

Стоит еще раз коротко обозначить, что развитие русской и западной традиции в изучении эго-документальной литературы возможно в тесном взаимодействии, где пространством для развития подходов изучения текста смогут стать соответствующие площадки – конференции, дискуссии, тематические научные издания, что в дальнейшем поможет в открытии новых путей исследования эго-литературы и дневников в том числе. Отсутствие подобных возможностей в литературоведении, отмечают А. Гуллотта и К. Кривеллер – существенный пробел в современном научном мире [Гуллотта, Кривеллер 2018: 389], который возможно восполнить, создавая международные дискуссионные пространства.

1.1.3. Специфика жанра дневника

В первую очередь, стоит кратко обозначить специфику анализируемого жанра, который, как уже было отмечено ранее, является частью понятия эго-литературы.

По определению исследователя Михаила Михеева в его работе 2007-го года «Дневник в России XIX-XX века – эго-текст, или пред-текст», для понятия «эго-текст» существенны два ключевых и определяющих признака. В первую очередь – это текст о самом себе, то есть «...имеющий своим объектом обстоятельства жизни самого автора» [Михеев 2007: электронный ресурс], а также – текст, который написан с субъективной точки зрения автора. Проявление обозначенного «эго», продолжает Л. Луцевич, – происходит через рефлекссию, память и интерпретацию. Рефлексия, в свою очередь – важный компонент в самопознании определенным индивидом его внутренних психических актов и состояний, что на материале мемуарного и дневникового текста будет проявляться в процессе самоанализа, самоосмысления, самооценки окружающих событий, явлений или фактов [Луцевич 2007: электронный ресурс]. Компонент памяти, продолжает Л. Луцевич, – обеспечивает накопление впечатлений и знаний об окружающем мире, частью которого является человек, при этом, осуществляя связь времен. Отмеченная ранее интерпретация является значимым способом индивидуальной трактовки событий, представляя определенное понимание

произошедшего, являясь «усилением интеллекта, воли, воображения, которое может менять отношение к предмету и к самому себе» [Луцевич 2007: электронный ресурс]. Таким образом, подчеркивают авторы в своих работах – происходит выстраивание мемуарного и дневникового текста, центром которого будет являться личность пишущего, его «я», или уже обозначенное ранее «эго».

Стоит отметить, что помимо личных дневников, эго-литература включает в себя и другие родственные жанры – мемуары, где ощутим временной отступ от описываемых событий; письма или эпистолярные – где на первый план выходит диалогическая направленность высказывания (в отличие от ранее обозначенных дневников и мемуаров), и где автор отходит от адресованности текста самому себе; автобиография – для которой также характерен временной отступ, и где автор последовательно описывает события своей жизни. М. Михеев подчеркивает, что все эти тексты в некоторой степени можно назвать литературными, так как по своей сути они представляют разного рода автобиографическую прозу, «...которая рассчитана на некий, пока не определенный до конца, но – круг адресатов, в который может войти кто-то, кроме авторского “я”» [Михеев 2007: электронный ресурс]. Наряду с утверждениями М. Михеева, исследовательница В. Гудкова отмечает, что данные тексты объединяет то, что они являются свидетельствами о человеке и о времени [Гудкова 2016: 21], при этом, продолжает автор, – материалы исследований, посвященных изучению мемуарной прозы – также становятся предметом образования «...определенного вещества истории, обладающего определенными характеристиками и свойствами» [Гудкова 2016: 21]. Из этого высказывания следует, что само исследование текстов автобиографического характера может стать важным свидетельством истории, трактующим тексты о человеке.

Исследователи дневниковой прозы – Филипп Лежен и Катрин Богарт в своей работе, посвященной изучению документов личного происхождения отмечают, что ключевым моментом в дефиниции дневника – являются отношения со временем [Lejeune, Bogaert 2006], что означает, в широком понимании – подчинение календарному принципу, последовательность и фрагментарность записей, которые автор дневника выстраивает в хронологическом порядке, но в то же время, они могут не отвечать строгой регулярности. В записях такого типа, подчеркивают исследователи, автор с субъективной точки зрения будет фиксировать личные впечатления, а также размышления на разные темы, которые могут не касаться его личности напрямую [Lejeune, Bogaert 2006]. Таким образом, дневниковый текст может представлять собой многоплановое произведение, в центре которого всегда будет

находиться авторское «я», но которое может включать в список рассматриваемых тем большой корпус событий, которые окружают автора или которые происходят вне зависимости от прямого или опосредованного отношения автора к ним.

Кроме обозначенных ранее особенностей, итальянская исследовательница Патриция Деотто предлагает выделить два основных направления, по которым на сегодняшний день движется дневниковая проза. Как правило, подчеркивает исследовательница, в личном дневнике автор занимается самоизучением, намечая черты собственного образа, который, в свою очередь, вырисовывается постепенно с течением времени. Образ автора не может быть воссоздан в моменте, он не следует систематическому плану, но продвигается «...поступательно, меняя свои взгляды, повторяясь, споря с самим собой, постоянно обращаясь к прошлым записям» [Деотто 2018: 11]. При этом, стоит отметить, что образ автора представляет сложную структуру, развивающуюся на страницах дневникового текста, о чем пишет Л. Гинзбург в своей работе «О психологической прозе» 1977-го года, подчеркивая, что образ автора будет выстраиваться не только из личных черт и биографических событий, но материалом вымысла в нем становится «...общее, историческое, обязательно ставшее фактом личного духовного опыта» [Гинзбург 1977: 26]. При этом, дневниковый текст – произведение открытое, которому свойственно подчиняться логике чередований, некоторой неумышленной непоследовательности, из-за чего автор не будет излишне стремиться к тому, чтобы избегать неких противоречий [Gusdorf 1990: 317-318]. На эту особенность указывает и Л. Гинзбург, отмечая, что в дневниковых текстах, как правило, существует установка на подлинность, «...ощущение которой не покидает читателя, но которая далеко не всегда равна фактической точности» [Гинзбург 1977: 9], – что также является особенностью человеческой памяти.

Таким образом, подчеркивает П. Деотто, выявляя второй путь развития дневниковой прозы – жанр дневника открывает перспективы для исследований нарративных возможностей сложного и изменчивого жанра, который обладает широкими и разнообразными функциями и «зыбкими границами между повседневностью и литературой» [Деотто 2018: 16]. На нестабильные, не до конца утвердившиеся границы жанра указывает и М. Михеев, обозначая дневниковую прозу, как «пульсирующий текст» [Михеев 2007: электронный ресурс], в котором фрагменты будут отделены друг от друга временными или пространственными датами, содержание которого ориентировано на реальные события из жизни автора; при этом, отмечает М. Михеев, к дневнику обращается

сам человек, следовательно, текст будет обращен к нему самому и помечен, как правило, тем же днем, когда создается запись. Рамки жанра допускают и отсутствие строгой «ежедневной» составляющей тетрадей, на что указывали исследователи ранее – автор дневника может выстраивать собственную хронологию, обращаясь к записям с регулярностью в один или несколько дней. Из этого следует, отмечает М. Михеев, так называемая, «до-литературная спонтанность дневника» [Михеев 2007: электронный ресурс], под которой автор подразумевает неокончательную отделанность текста, из-за его регулярной пополняемости и невозможности предсказать или установить завершение записей. Тексты такого рода, по замечаниям исследователя – представляют собой произведения неокончательно обработанные, всегда предполагающие возвращение к написанному, в том числе с целью внесения правок [Михеев 2007: электронный ресурс]. Выявленные ранее особенности дневникового текста могут варьироваться или трансформироваться. Впоследствии дневниковая проза, в большей степени будет ориентироваться на хронику текущих событий, являясь, по своей сути, откликом на внешние события, в которых изменение личности может быть несколько скрыто, при этом, на первый план может выходить, по определению П. Деотто «...фиксация действий и событий в их развитии» [Деотто 2018: электронный ресурс]. В то же время, о чем бы не писал автор на страницах своих дневников – фиксируя события частной жизни, политические события, переживания, цитаты или фрагменты разговоров – дневниковый текст остается «документом о личности пишущего, и именно как таковой пишущим воспринимается» [Зализняк 2010: электронный ресурс]. И, как подчеркивает А. Зализняк, дневниковый текст – это текст, как правило, о текущем моменте, вне зависимости от «времени» изображаемого. Содержательно дневниковые тексты также могут отражать воспоминания, планы на будущее и рассуждения, ведущим здесь остается то, что описываемые события «...имели место именно в этот день и именно при данных обстоятельствах» [Зализняк 2010: электронный ресурс]. Таким образом, данная особенность также указывает на нестабильный характер записей дневников – содержательно в нем могут отсутствовать события, представленные днем или двумя ранее, и автор волен обращаться к прошлому и будущему с позиции настоящего момента.

Актуальным вопросом литературоведения и смежных наук до сих пор остается вопрос адресата дневникового текста. Исследовательница П. Деотто подчеркивает, что одним из первых, кто указал на возможную диалогичность дневникового текста – стал

женевский исследователь Жан Руссе. В дневниковой прозе, отмечает П. Деотто, особенно интересным оказалось выявление речи, обращенной к адресату, который зачастую совпадает с автором. По утверждению исследовательницы, совпадение автора дневника и его читателя является предпосылкой для процесса коммуникации с самим собой [Деотто 2018: 13]. На проблему адресата также обращает внимание Ф. Лежен, подчеркивая, что акт адресации, в дневнике является «способом само-рефлексии и само-программирования к себе будущему» [Lejeune 2009: 324], которого автор дневникового текста может еще не знать или не осознавать. В то же время, Ф. Лежен делает акцент на том, что адресатом будет выступать «фигура», к которой у автора дневника уже есть потенциальное доверие: «...нынешняя идентичность создающего этот дневниковый текст однажды станет частью непредсказуемой идентичности, которую она породит, и которая будет судить о ней» [Lejeune 2009: 324]. На эту проблематику автор указывал и ранее, в своей работе 1998-го года, где отмечал, что процесс самоадресации в дневнике тесно связан с вопросом самоидентификации и проблемой «становящейся идентичности автора текста» [Lejeune 1998: 226]. Становящаяся идентичность автора дневника, о которой пишет Ф. Лежен – это автор в настоящем моменте и автор из будущего – потенциально другая фигура, которая и может стать адресатом дневникового текста.

На существование определенной «косвенной» фигуры адресата в пространстве дневникового текста указывает М. Михеев, подчеркивая, что выявить эту фигуру может лингвистический анализ. В таком случае, на присутствие некоего адресата в тексте могут указывать разного рода авторские пояснения и комментарии, в которых автор сам не нуждается, но делает это с определенной целью [Михеев 2007: электронный ресурс]. Комментарии подобного типа могут содержать уточняющие сведения о персонажах дневника, выполняя, своего рода, роль авторских сносок, которые делаются для того, чтобы потенциальный читатель был введен в полноценный контекст повествования. В свою очередь, А. Зализняк под определением «косвенного адресата» понимает участника коммуникативного процесса или ситуации, к которому говорящий не обращается напрямую, но чье присутствие ощущается, так как оно может влиять на выбор формы и содержание высказывания, создаваемое автором [Зализняк 2010: электронный ресурс]. В конечном итоге, адресатами могут стать потомки автора дневника, либо любое третье лицо. Таким образом, сходятся во мнении исследователи – жанр дневника, будучи обращением к личности самого автора, допускает в той или иной степени возможность прочтения кем-то

в будущем. И. Сапунова в своей работе 2018-го года придерживается иной точки зрения, отмечая, что наличие «косвенного адресата» в дневниковых текстах – это попытка автора самостоятельно сконструировать в сознании потенциального читателя определенный образ, в некоторой степени мифологизируя собственное «я» [Сапунова 2018: 345]. При этом, считает исследовательница, к этому вопросу также остается близка проблема воссоздания психологического портрета художника, которая позволяет углубить представления читателя и исследовательской публики о его творческом пути.

Определяя функции в ведении дневника, или цель обращения к записям личного характера, исследователями принято выделять несколько причин: 1) дневник, как механизм сохранения свидетельств индивидуальной памяти; 2) функция завещания, которую М. Михеев обозначает как обращение к некому гипотетическому читателю, который сможет прочитать дневник после смерти автора; 3) терапевтическая функция, как способ снятия эмоционального напряжения «проговаривая» произошедшее; 4) по определению М. Михеева – «аутокогнитивная» функция [Михеев 2007: электронный ресурс], которая проявляется в повторном обращении к написанному тексту, с целью более глубокого понимания личных мотивов; 5) культурно-игровая функция, как способ выговариваться; 6) очистительная функция, где дневник выступает, как способ систематизации информации, получаемой ежедневно; 7) литературно-творческая функция – письмо, как способ сочинения и творчества [Михеев 2007: электронный ресурс]. Таким образом, в типологии, которую предложил М. Михеев могут быть представлены лишь самые распространенные функции и причины обращения к данному жанру.

Жанр дневниковой прозы – многоплановое явление, чьи границы и основные жанровые характеристики в исследовательских кругах до сих пор остаются размытыми. Тем не менее, развитие исследований, посвященных личным дневникам – возможность выявлять новые особенности, проследивать трансформацию жанра, исследуя новые формы существования текстов личного характера.

1.2. Жизненный путь Г.С. Эфрона

Для более точной и полной характеристики мемуарного творчества Г. Эфрона, стоит обозначить его жизненный путь, прокомментировать основные направления творчества, а также указать на интересы автора вне литературного поля, что позволит представить образ мемуариста наиболее объемно.

Георгий Сергеевич Эфрон родился в 1925-м году, в чешском городе Вшеноры, что в двадцати километрах от Праги, где на тот момент проходила эвакуация семьи Цветаевых-Эфрон. Георгий Эфрон, домашнее имя которого Мур – сын поэтессы Марины Цветаевой и Сергея Эфрона, а также младший брат мемуаристки и переводчицы – Ариадны Эфрон. Через год после рождения сына, семья отправляется во Францию, где прошло детство и подростковые годы Г. Эфрона. В период с 1937-й по 1939-й год, семья в полном составе покидает Францию и отправляется в СССР. Воссоединение семьи в Москве завершилось арестом А. Эфрон в августе 1939-го года, и в октябре того же года – арестом С. Эфрона по обвинению в шпионаже. С тех пор, в возрасте 14-ти лет, Г. Эфрон остается наедине с матерью на территории практически забытого и неизвестного для них государства. Охваченные в дневниках события включают в себя историю практически четырех полных лет в период с 1940-го по 1943-й год. В свою очередь, сюжетно дневники представляют ежедневную фиксацию будней, прогулки по Москве, занятия в школе, общение со старшими товарищами и сверстниками, посещение культурных мероприятий, процесс эвакуации в Чистополь и Ташкент, самостоятельную жизнь после смерти матери.

Франция, где прошли детские и подростковые годы Г. Эфрона, – стала местом формирования личности молодого автора. Как отмечают составители издания – Елена Коркина и Вероника Лосская – он органично впитывал в себя ее культуру, менталитет, свободно владел французским языком, нередко, в своей устной и письменной речи переходя с русского языка на французский, в целом, считая Францию 30-х годов своей полноценной родиной [Коркина, Лосская 2017: 9]. Основной деятельностью Г. Эфрона до переезда на родину семьи было обучение в школе, чтение, письмо, рисование, а также посещение культурных мероприятий: театра, кино, выставок, литературных вечеров. Воспитание молодого автора проходило согласно образцам мировой культуры. Родители стремились привить сыну интерес к русской культуре, но влияние французского окружения на его сознание и вкусы со временем оказалось сильнее родительского голоса. Литературовед и критик Сергей Беляков в своей статье «Парижский мальчик Георгий Эфрон между двумя нациями» отмечает, что за время жизни во Франции, Г. Эфрон успел пожить и проучиться в школах Вандея, Нормандии, Кламара и Парижа, проходя обучение в католическом колледже [Беляков 2011: электронный ресурс]. По наблюдениям В. Лосской в ее работе 2007-го года «О записных книжках Цветаевой», на страницах записных тетрадей М. Цветаева также обозначала интерес сына к общественной жизни города, подчеркивая, что

он прекрасно разбирается в политике, искусстве, мировой экономике [Лосская 2007: электронный ресурс]. Данная особенность впоследствии найдет отражение на страницах дневников и писем Г. Эфрона, опубликованных в анализируемом издании.

После переезда в Москву, сравнительную часть записей Г. Эфрона с 1940-го по 1941-й год занимают его прогулки по улицам Москвы в компании лучшего друга – Дмитрия Сеземана (Мити). Сам Д. Сеземан в интервью 2006-го года подтверждает, что в жизни их связывали близкие отношения, они много общались по-французски, «вполголоса, потому что на улицах Москвы было не очень хорошо говорить на иностранном языке» [Сеземан 2006: электронный ресурс]. Таким образом, на страницах дневников Г. Эфрона получает развитие важная и обширная тема – тема дружбы и обретения своего места в обществе советской молодежи. Примечательно, что история дружбы с Митей развивается на страницах дневников с первой тетради и до последней, проходя определенную личностную трансформацию – автор иллюстрирует взросление и изменение этой дружбы, что отражается и на способах авторской саморепрезентации.

В 1941-м году М. Цветаева уходит из жизни, оставляя своего сына на попечение писателю Н. Асееву. В своей книге «Скрещение судеб», исследовательница жизни и творчества М. Цветаевой – Мария Белкина отмечает, что после смерти матери, Г. Эфрону впервые пришлось самостоятельно решать вопросы, касающиеся его дальнейшего пребывания в эвакуации, подчеркивая, что раньше, и это очевидно из дневниковых записей, автор «привык подчиняться воле матери» [Белкина 2017: 118], но из-за неопытности и растерянности, он полностью опирается на решение, которое принимает Н. Асеев для своей семьи, понимая, что больше в Чистополе не на кого опереться, и в случае чего – попросить о помощи.

Обстоятельства жизни Г. Эфрона в период с 1942-го по 1943-й год невозможно установить полностью, из-за отсутствия дневниковых записей этого периода. Читатель встречается автора лишь в 1943-м году, когда Г. Эфрону уже исполнилось 18 лет. На страницах завершающих повествование дневников меняется его образ и следовательно, фокус авторского внимания – с детального самоанализа, аналитики, размышлений на интересующие его темы, к особенностям быта эвакуированных в Ташкент, что замещает в повествовании те вопросы, которые беспокоили автора ранее, на первый план выдвигая проблему пропитания. Исследовательница Ирина Белякова в своей статье «Сын поэта»

также отмечает, что единственной целью Г. Эфрона после смерти матери – стала цель выжить. Впоследствии, автор оканчивает школу, но постоянно находится в поисках пропитания, денег, «находясь в постоянном напряжении от грозящего призыва в армию или на трудфонд» [Белякова 2005: электронный ресурс]. В то же время, важно отметить, что несмотря на одинокий образ жизни, представители писательского окружения матери в первое время оказывали поддержку Г. Эфрону. Об этом пишет литературный критик и переводчик Варвара Бабицкая в статье «В эвакуации писатели встретились со своей страной»: «...его учат, у него есть товарищи, он часто ходит в гости к Алексею Толстому: у Мура были светские манеры, жена Толстого любила поговорить с ним по-французски о литературе» [Бабицкая 2020: электронный ресурс]. Путь Г. Эфрона после мобилизации на фронт удастся восстановить лишь пунктирно, опираясь на переписку с Е. Эфрон. В телеграмме к тете, датированной 27 сентября 1943-го года, Г. Эфрон пишет, что покидает Ташкент и отправляется в Москву с целью найти своего друга Митю и восстановить прежнюю жизнь. 11 октября того же года, Краснопресненский районный военкомат выдает ему отсрочку от призыва до 15 октября, по причине неоконченных дел, оставив в залог у себя его паспорт и военный билет. Вероятно, отмечают исследователи, автору помогают А. Н. Толстой, возможно Н. С. Тихонов и А. С. Межиров, так как именно их адреса сохранились в бумагах Г. Эфрона, – таким образом, он получает более длительную отсрочку [Коркина, Лосская 2017: 10]. Опираясь на сведения, представленные в письмах автора, удастся выяснить, что после отъезда в Москву, автор поступает в Литературный институт по рекомендации А. Н. Толстого и устраивается комендантом общежития завода «Пролетарский труд». Свидетель последних месяцев жизни автора, его однокурсник и товарищ Анатолий Мошковский в своей статье «Георгий, сын Цветаевой» отмечает, что проучиться автору удалось чуть более трех месяцев [Мошковский 1999: электронный ресурс]. При этом, данная статья позволяет уточнить особенности студенческого периода жизни Г. Эфрона. Автор описывает Г. Эфрона следующим образом: «Георгий очень отличался от нас, разношерстно и не всегда аккуратно одетых – кто в военной форме без погон, кто в поношенном штатском костюмчике, – ведь почти третий год шла война. Георгий был тщательно причесан, на нем щегольски сидел синий пиджак с галстуком – галстуки мало кто из нас признавал» [Мошковский 1999: электронный ресурс]. Таким образом, А. Мошковский представляет свой взгляд на личность Г. Эфрона и дает необходимые сведения о его ученическом пути в Литературном институте имени М. А.

Горького, которые, как уже было упомянуто ранее, были утеряны. Уточняет автор и то, что, будучи студентом Г. Эфрон также обретает определенный круг общения, в который вошли его однокурсники – Д. Сикорский, С. Лацис, Н. Лапидус. В то же время, несмотря на успехи в учебе, сравнительно стабильный круг общения, А. Мошковский отмечает, что Г. Эфрон выделялся на фоне остальных, интеллектуально опережая однокурсников, подчеркивая особенности своего воспитания, указывая на нетипичный для его сверстников круг чтения и специфические интересы, считая «советских студентов 1943-го года, не дуже начитанными и грамотными» [Мошковский 1999: электронный ресурс]. Тем не менее, несмотря на успешное начало обучения, Литературный институт, в который поступает Г. Эфрон не давал отсрочек по военному призыву, и 1 марта 1944-го года, автор был вынужден отправиться в армию. После обучения в запасном полку подмосковного Алабина, в конце мая 1944-го года, в составе маршевой роты, Г. Эфрон отправляется на Западный фронт. Через два месяца после начала пути, в июле 1944-го года, Г. Эфрон погибает, предположительно, в своем первом бою, в ряду военных, которые обеспечивали в то время наступление Красной армии на первом Белорусском фронте. Надгробная плита с именем Г. Эфрона установлена на могиле неизвестного солдата в белорусской деревне Друйка.

1.2.1. Мемуарное и эпистолярное творчество Г.С. Эфрона

Выявляя причины обращения автора к жанру дневника, стоит отметить, что обращение к мемуарным текстам – отличительная особенность творчества семьи Г. Эфрона. Как известно, М. Цветаева оставила обширный свод мемуарных текстов: записных книжек, дневников, автобиографической прозы; отец автора – С. Эфрон, также обращался к автобиографическим текстам, которые, в свою очередь, были опубликованы в 1988-м году издательством «Возвращение». Сестра Г. Эфрона – А. Эфрон, при жизни также обращалась к мемуарным жанрам – с раннего детства вела дневниковые записи, которые впоследствии были преобразованы в полноценные воспоминания. Как отмечает исследовательница М. Белкина, Г. Эфрон неоднократно заявлял своим товарищам, что его увлекает заниматься сбором фотографий, фиксировать разговоры, хранить бумаги, подчеркивая, что «все это когда-нибудь будет дороже того, что мы сможем придумать и написать» [Белкина 2017: 125]. Мемуарное творчество, как и другие свидетельства о прожитом опыте, являлись для автора ценным материалом, свидетельством жизни и документом, к которому можно обратиться с целью дальнейшего изучения. В своей вступительной статье к дневникам Г. Эфрона, исследовательница и директор РГАЛИ – Татьяна Горяева также указывает, что в

большей степени автор интересовался текстами мемуарного характера, культивируя лабораторные жанры – дневники, письма, записи, антологии цитат из прочитанных книг [Горяева 2017: 12], что впоследствии и составит основу его писательской деятельности. Свод мемуарных текстов, по заключениям составителей, представляет более 1000 письменных страниц, 800 из которых – только дневниковое творчество. Тем не менее, продолжает Т. Горяева, дневниковое творчество Г. Эфрона уникально не только по так называемой генетической предрасположенности, но и широкой образовательной базой и лингвистической состоятельностью: «...острота взгляда на происходящее, чувство историчности и избранности – эти свойства, как ни удивительно, были характерны для конца тридцатых годов XX-го века» [Горяева 2017: 12]. В то же время, составители издания Е. Коркина и В. Лосская в своей заключительной статье «Автопортрет на фоне одиночества» подчеркивают, что обращение автора к жанру дневниковой прозы – это стремление к самообороне «от чужой среды, от страшного мира вообще» [Коркина, Лосская 2018: 515-516], а также документ самовоспитания, самоописания и самовыражения.

Продолжая тему интереса автора к мемуарным текстам, Е. Коркина и В. Лосская отмечают, что дневниковое творчество Г. Эфрона берет свое начало в августе 1939-го года – время возвращения семьи в СССР. Предположительно, Г. Эфрон решает обратиться к ведению личных записей в связи с отъездом, предпочитая фиксировать особенности нового быта, впечатления, а также его литературные интересы, что может нести характер хроники – фиксировать пройденное, увиденное, усвоенное ежедневно, чтобы запечатлеть в памяти [Коркина, Лосская 2018: 518]. Уже впоследствии тетради, в которых автор хотел записывать впечатления от СССР, преобразовываются в тексты полные самоанализа, где автор нередко обращается к своему «я» в попытках самоопределения, при этом, не сворачивая с намеченного изначально пути – фиксировать особенности новой жизни. Достоверных данных о том, обращался ли Г. Эфрон к жанру дневника ранее – нет, как нет и свидетельств или дошедших до современного читателя рукописей; то же можно отметить и об эпистолярном жанре, который являлся неотъемлемой частью жизни автора в СССР – сведений о ранних эпистолярных свидетельствах Г. Эфрона – нет.

Исследователи сходятся во мнении, что дневники Г. Эфрона – это уникальный по своему характеру документ эпохи. Е. Коркина и В. Лосская подчеркивают, что в первую очередь интерес к творчеству Г. Эфрона обусловлен тем, что представленные тексты являются одним из свидетельств жизни М. Цветаевой, а именно последних двух лет жизни

поэтессы [Коркина, Лосская 2017: 8]. После возвращения семьи в СССР, Г. Эфрон фактически был единственным свидетелем и соучастником повседневного существования М. Цветаевой, постепенно развивая историю борьбы поэтессы и ее близких за жизнь в СССР. В то же время, ссылаясь на свидетельства друга Г. Эфрона – Д. Сеземана: «...такое впечатление, что это обо мне [дневник]. Я смотрел и заметил, что про Марину Ивановну он вспоминает раз десять, а про меня двести раз» [Сеземан 2006: электронный ресурс], – что позволяет несколько оспорить точку зрения исследователей, которые обосновывают интерес к данным текстам исключительно, свидетельством жизни М. Цветаевой. Дневники Г. Эфрона действительно фиксируют угасание творческого пути М. Цветаевой, но в то же время, поэтесса фигурирует в дневниках, скорее, как фоновый персонаж, который автор не выводит на первый план повествования, сосредотачиваясь на своем «я» и событиях, которое его окружают. Тем не менее, данные тексты являются уникальным свидетельством закулисы жизни литературных современников М. Цветаевой: «Дневники Мура – хроника жизни литературной среды, которая окружала их с матерью в дни скитаний» [Горяева 2018: 289]. Важно понимать, отмечает исследовательница, что текст, представленный широкой читательской публике – это свидетельство жизни обыкновенного человека, который в эпоху репрессий и войн оказался «на краю» жизни [Горяева 2018: 289]. Таким образом, отраженные в дневниках события – это исключительно индивидуальный взгляд автора, при этом он выражен здесь очень сильно.

Помимо мемуарного характера текста, публикуемый материал представляет интерес для профессиональных историков. Как отмечают исследователи жизни и творчества семьи Цветаевых-Эфрон, политическая зрелость молодого автора позволяет понять, как происходило распространение, получение и толкование информации в Москве периода начала Второй мировой войны – вне рамок политической цензуры [Коркина, Лосская 2017: 8]. Советская действительность в публикуемых дневниках представлена через перспективу человека, воспитанного на Западе, для которого была характерна свобода мысли и ее изложения [Коркина, Лосская 2017: 8]. Таким образом, дневники Г. Эфрона являются одним из важнейших свидетельств жизни, быта и всей жизненной системы периода начала Второй мировой войны. Как подчеркивает критик и литературовед С. Беляков, «...в то время его более всего интересовало как раз международное положение. За событиями в Европе Мур следил по газетам, а позднее и по передачам английского, французского, немецкого радио» [Беляков 2011: электронный ресурс]. Из этого следует, что Г. Эфрон представляет

подробную картину военных событий, информацию о которых он получает из разнообразных источников, и интересно, как именно происходит трактовка информации и анализ текущих военных событий – автор буквально выстраивает свои аналитические прогнозы, которые, в свою очередь, сбывались. Именно поэтому, дневники Г. Эфрона, как уже было подчеркнуто ранее – важный документ свидетеля начала военных событий, участника эвакуации, а также человека, который фиксировал информацию, полученную через советские и зарубежные СМИ на страницах своих дневников.

Общественно-политическая обстановка в мире – второй интерес автора, который находит отражение в его творчестве после литературы: «... во Франции, и в Москве Мур регулярно читал газеты, следил за ходом мировой войны, насколько позволяла обстановка. Даже в 1940-м году, в самый “советский” период жизни Мура, когда он больше интересовался жизнью СССР, одноклассниками, Москвой, даже в это время его чрезвычайно занимает положение дел во Франции. Георгий следит за событиями на Западном фронте, спешит узнать из свежей газеты состав нового французского правительства, по мере сил анализирует обстановку во Франции, рассуждает о французских национальных интересах» [Беляков 2011: электронный ресурс]. В то же время, исследователи отмечают, что дневники Г. Эфрона представляют собой и психологический документ: «Лейтмотив его короткой жизни – одиночество, которое определили причины прежде всего биографические» [Коркина, Лосская 2017: 9]. Связано это с причинами семейного характера: на протяжении всего дневника можно наблюдать распад семьи – арест отца и сестры, вынужденные переезды, угасание творческого пути матери, эвакуацию, а также уход М. Цветаевой из жизни. Данный документ является ценным материалом для анализа особенностей личности, которая начинает свое полноценное зрелое формирование в условиях начинающейся войны. Аналогичной точки зрения придерживается филолог И. Белякова выявляя тонкий психологизм анализируемого текста, отмечая, что в своих дневниках Г. Эфрон практически повсеместно занят проблемой самоидентификации – социальной, культурной и групповой [Белякова 2005: электронный ресурс], что проявляется в постоянном самоанализе, сравнении и противопоставлении себя окружающему миру. С этой точкой зрения согласен и С. Беляков, который также выявляет тему осознания своей идентичности Г. Эфроном, комментируя данную особенность следующим образом: «С детства Муру внушали, что он русский, что его родина – далеко, а здесь, во Франции, Мур – эмигрант и эмигрантом останется» [Беляков 2011: электронный ресурс]. Из этого следует,

что влияние на мышление автора оказывало близкое окружение, преимущественно – его семья. По замечаниям исследователя, М. Цветаева говорила сыну о том, что он не сможет стать полноценной частью французского общества, отец же, возможно, пытался воспитывать в нем свои собственные убеждения, отмечая за сыном неприязнь к французам. В то же время, оба родителя были уверены, что у их сына – судьба советской России, и только там он сможет стать человеком [Беляков 2011: электронный ресурс]. Тем не менее, важно подчеркнуть, что Г. Эфрон при переезде в СССР являлся человеком, который обладал уже определенно сложным и «воспитанным» советским самосознанием – владея русским языком, ориентируясь в русской литературе больше, чем его одноклассники из российских школ. Таким образом, подчеркивает С. Беляков, человек с таким набором характеристик – может обладать всеми признаками человека с развитым русским национальным сознанием [Беляков 2011: электронный ресурс]. На страницах дневников Г. Эфрона четко прослеживается и трансформация автора – от четкого и осознанного желания стать частью советского общества, до практически полного и противоречивого отказа от желания стать «своим» на территории СССР.

Тем не менее, подчеркивает И. Шевеленко, и в чем ее точка зрения будет отличаться от ранее обозначенных, в первую очередь дневники Г. Эфрона будут интересны тем, что автор предстает перед читателем, как «свидетель времени, автор-герой Г. Эфрон» [Шевеленко, 2004: электронный ресурс]. Неоднократно Г. Эфрон в своих записях сам указывает на «вынужденную» жизненную несамостоятельность: «...но я полагаю, что я просто не могу ходить в гости как сын Марины Ивановны – что мое положение среди ее знакомых неравноправно. Я считаю, что я буду возвращаться только в такой среде, где я буду сам Георгий Сергеевич, а не сын Марины Ивановны. Иными словами, я хочу, чтобы люди со мной знакомились непосредственно, а не как с сыном Цветаевой» [Эфрон 2017: 309]. Таким образом, исследовательница подчеркивает, что данные тексты, в первую очередь стоит рассматривать, как самостоятельное произведение о его авторе, постепенно раскрывая взаимоотношения с персонажами, которых автор самостоятельно вводит в повествование.

После ухода матери, из повествования вытесняется образ семьи, отказывается автор и от описания отца – С. Эфрона, чей образ также практически не получил развития на страницах ранних записей. При этом, уже в 1943-м году, Г. Эфрон пишет, что ему удалось разработать главу семейной саги – романа о семейной жизни, где главными действующими лицами будут родители отца – Е. Дурново и Я. Эфрон. В то же время, И. Белякова пишет,

что дневники Г. Эфрона – это «отрефлексированное бытие, и отсутствие в них какой-либо стороны жизни также может быть значимо» [Белякова 2005: электронный ресурс]. Из этого следует, что отказ от развития определенных тем или персонажей может нести определенное авторское значение.

И. Шевеленко в своей статье придерживается мнения, что одной из сторон дневников Г. Эфрона также является возможность увидеть «рефлектирующему читателю, как граница “литературы” и “не-литературы” пунктиром прорезает весь текст» [Шевеленко 2004: электронный ресурс]. Отмечая, что читатель будет выявлять для себя, что в этом произведении есть «литература», а что есть «не-литература». В то же время, автор отмечает стиль записей, обращая внимание на то, что в дневниках Г. Эфрона «сильно романтический код опосредует манеру самоанализа автора» [Шевеленко 2004: электронный ресурс], что может являться особенностью его читательского сознания в большей степени, нежели особенностью стиля написания. И. Шевеленко настаивает, что можно вполне доверять правдивости представленных в дневниках фактов, но нельзя не отметить, что отбирались они в соответствии с романскими правилами, с соответствующим отсеиванием «случайного», что разрушало бы концепцию, к которой обращался автор, и которая была ему необходима. И сам Г. Эфрон указывает на этот факт: «Я полон любопытства к своей собственной судьбе, и мне объективно интересно, **с точки зрения историка и романиста**, как она будет в дальнейшем разворачиваться» [Эфрон 2018: 235], – и это может являться вполне зрелым суждением, где соотносятся зрелые заключения автора о соотношении жизненного факта и нарратива [Шевеленко 2004: электронный ресурс]. Т. Горяева в своей статье «Право на воскрешение» также отмечает, что порой, события, которые описывает Г. Эфрон на страницах дневника «так тяжелы и безысходны» [Горяева 2018: 290], что здесь возникает мысль о том, что у этих текстов может быть вполне литературное происхождение, тем более, что стиль и манера изложения текста – напоминает популярные стилизации подлинных записей.

Еще одной особенностью дневниковых текстов Г. Эфрона является их двуязычный характер. Как уже было отмечено ранее, автор в равной степени использует русский и французский язык, как в повседневной жизни, так и на письме. Что интересно, подчеркивают составители издания, автору свойственно вести записи на одном языке (выбирая между русским и французским), с минимальными вкраплениями другого, при этом, нередко обращаясь в рамках одной записи к двум языкам [Коркина, Лосская 2017: 7].

Необходимо подчеркнуть, что автор свободно «перебивается» между ними, создавая связный и логичный текст, и данные переходы от одного языка к другому не нарушают смысловую и сюжетную составляющую повествования.

В то же время, комментируют составители в статье «Автопортрет на фоне одиночества», – в обоих языках встречаются стилистические ошибки, во французском в употреблении прошедших времен, артиклей, и т.п., в русском нередко встречаются галлицизмы – детям русской эмиграции воспрещалось в разговоре переходить с одного языка на другой внутри одной фразы или русифицировать французские слова, – таким образом удавалось сохранить чистоту обоих языков [Коркина, Лосская 2018: 514]. Г. Эфрон, в свою очередь, следит за чистотой языков, но в то же время, нередко позволяет себе «вольности, вставляя французские слова в русский текст или русифицируя их» [Коркина, Лосская 2018: 514]. Нередко, во французском тексте автор переходит на сниженную лексику используя грубости. Их источники, подчеркивают авторы – общение со сверстниками в школе Кламара. Русские непристойные слова, в свою очередь, появляются в его записях после школы Голицыно. Авторы отмечают, что жаргон – это, своего рода «средство самозащиты и разрядки напряженного состояния» [Коркина, Лосская 2018: 514], а дневник – личное пространство, которое позволяет свободно использовать такую лексику, в отличие от той среды, где Г. Эфрон жил и где это было невозможно. Стоит отметить, что содержательно записи на французском языке могут нести более сокровенный характер, нежели те записи, которые автор будет выполнять на русском языке. Наиболее ярко данная особенность проявляется в записях 1940-го – 1941-го года, где Г. Эфрон описывает свое общение с противоположным полом, нередко рассуждая о перспективах первой связи с женщиной, сопровождая повествование сниженной лексикой. В то же время, такие записи будут являться и более эмоциональными, нежели эмоционально сдержанные тексты на русском языке.

В завершении первого тома дневников, которое охватывает события конца лета 1941-го года – автор обращается к французскому чаще, отмечая, что таким образом, это позволит ему не забывать язык и тренировать навыки письма. Тематически и сюжетно, записи, выполненные на двух языках, не будут различаться. В то же время, отправляясь в эвакуацию в Ташкент, автор вновь переходит преимущественно на французский язык, предположительно, опасаясь, что его записи могут быть прочитаны, и как он сам отмечал, комментируя свой путь, – нередко над ним смеются из-за того, что он ведет тетради, что

вынуждает его перейти на французский с целью скрыть повествование и рассуждения о попутчиках от посторонних глаз. Дневники 1943-го года, которые заключают повествование – полностью представлены на русском языке, но автор использует вкрапления французских слов или выражений в свой текст, как это было в записях после переезда в СССР, что также можно объяснить как удобство или более комфортный способ письма.

В контексте дневникового творчества Г. Эфрона, стоит обозначить и его эпистолярные опыты, которые, как уже было отмечено ранее – входят в анализируемое издание, являясь ценным дополнением существующего сюжета. И. Шевеленко, в своей статье 2004-го года отмечает, что эпистолярное творчество Г. Эфрона – это «другой голос автора, другой регистр его речи и его чувств» [Шевеленко 2004: электронный ресурс]. Эмоциональность и откровенность – все то, чему практически не уделяется внимания, не проявляется на страницах дневников, – в полной мере проявляется в авторских письмах, представляя читателю и исследовательской публике – контраст в повествовании, что согласно утверждениям И. Шевеленко «...заставляет по-иному смотреть на эмоциональный аскетизм самих дневников» [Шевеленко 2004: электронный ресурс]. Такой прием автор мог использовать намеренно, опасаясь, что его записи могут прочитать, или ненамеренно, что может являться лишь особенностью стиля ведения дневников. Сам Г. Эфрон также отмечает за собой эту особенность, что именно в эпистолярии он может раскрыться полностью: «...мой дневник, начатый мною 28 августа 1939-го года, и упорно, изо дня в день, с тех пор продолжаемый, отступает на второй план перед моими письмами к тебе, и я в него гораздо меньше вкладываю “своего”, личного, чем в эти письма» [Эфрон 2018: 389-392]. Стоит отметить, что дневник – наиболее характерный исповедальный жанр эго-литературы, в то же время, из творчества Г. Эфрона видно, что его дневники – это тексты, в которых существует много недосказанности, недостаточно той самой «исповедальности», откровенности в тех темах, которые наиболее часто раскрываются именно в дневниковых текстах. Наибольшей исповедальностью обладают письма автора, у которых есть существующий адресат, и где отсутствует возможность разговора с самим собой. Обращаясь к переписке Г. Эфрона с другом семьи и мужем его старшей сестры – С. Гуревичем, можно также отметить эту «нетипичную», совершенно нехарактерную черту дневниковых текстов Г. Эфрона. Автор подчеркивает, что именно письмо является ключом к пониманию его личности и особенностей жизни: «...оно тебе многое объяснит и откроет, а я чувствую неодолимую потребность в том, чтобы кто-то знал побольше обо мне – и это

не эгоизм, а попытка обмануть крошечное собственное одиночество, абсолютную внутреннюю пустоту...» [Эфрон 2018: 347]. Этим письмом Г. Эфрон подводит своеобразный итог своей жизни, обращаясь к исповеди, объясняя некоторые особенности своей жизни, поведения, характера, стремлений, в то же время, отмечая, что его всю жизнь видели другим человеком, не интересуясь тем, что в действительности происходит у него внутри: «Вся ужасная моя трагедия заключается в том, что <...> около меня не нашлось ни одного человека, который, взяв меня за обе руки, внятно произнес бы мне: “Жизнь – впереди, война – кончится, не горюй, ничто не вечно, трудности закалят тебя, все идет к лучшему, терпение, терпение, все для тебя впереди, все еще будет”. Ты видишь, я знаю эти слова, они мне были очень нужны, но никто их не произнес, и вокруг меня был тот же человеческий хаос, что и вокруг Марины Ивановны в месяцы отъезда из Москвы и жизни в Татарии...» [Эфрон 2018: 352]. Таким образом, эпистолярный жанр, к которому обращается автор, может раскрывать его образ более детально, приоткрывая особенности личности, которые не были полноценно раскрыты на страницах дневниковых текстов.

Филолог Дарья Бурлакова в своей статье «Георгий Эфрон. Возвращение» отмечает, что самое сокровенное для автора дневника все-таки остается невыразимым (и невыраженным), и самые тяжелые переживания, которые случались с ним, связанные также с гибелью матери – автор не переносит в дневник [Бурлакова 2015: электронный ресурс]. Подтверждением словам исследовательницы может стать переписка старшей сестры автора – А. Эфрон с А. Цветаевой, где А. Эфрон, в октябре 1945-го года описывает взаимоотношения брата и матери: «...мама любила его так, как только она одна могла любить. И он любил ее больше, сильнее и глубже, чем кого бы то ни было из нас. Причем с самого детства он умел любить ее, и в своих отношениях с ней он, помимо любви, был умен и тактичен, как взрослый, сложившийся человек <...>. В своих письмах мама очень хвалила Мура, его к ней, несмотря на огромную рассеянность <...>, внимательность и заботливость» [Марина Цветаева в письмах сестры и дочери, 2004: электронный ресурс]. Таким образом, подтверждаются слова о том, что на страницах дневника для автора было характерно скрывать подлинные эмоции. И, как объясняла этот прием А. Эфрон, – ему свойственно было дистанцироваться и скрывать то, что в действительности его беспокоило, в особенности, если этот опыт был травматичен. Таким образом, можно объяснить то, почему автор не раскрывает и не описывает на страницах дневников свое состояние после ухода М. Цветаевой, на страницах уже ташкентских дневников, обращаясь к ней исключительно по

инициалам, что А. Эфрон комментировала следующим образом: «...это – подсознательное желание отдалить от себя именно маму, чтобы в памяти возникла не так страшно погибшая мать, а более отвлеченная “М.И.” во всем ее литературном величии. Ему, Ася, очень больно писать мама” [Марина Цветаева в письмах сестры и дочери, 2004: электронный ресурс]. Впоследствии автор не возвращается к теме семьи, в обращениях к образу матери используя исключительно инициалы.

Продолжая выявлять особенности эпистолярного творчества Г. Эфрона, стоит отметить, что именно в письмах автор подробно описывает круг своих литературных предпочтений, анализируя прочитанное, вступая в споры с собеседниками: «...ты пишешь, что писателю, плюс к уму, необходимы страстность и “спонтанность”. Это – неверно. Что, по-твоему, страстны А. Жид, Валери, Монтерлан, Хаксли, С. Льюис, Ж. Ромэн? “Спонтанны” они? А Флобер, наконец? – А ведь все это – большие писатели. Жизненный опыт, – да, пожалуй, он необходим; но ни страстность, ни “спонтанность” (sic!) не являются необходимыми качествами писателя» [Эфрон 2018: 369]. В дневниковых текстах автор не обращается к детальному анализу прочитанного, предпочитая вести хронику усвоенного материала. В письмах тактика Г. Эфрона меняется, так как у него появляется вполне реальный собеседник, с которым он может рассуждать о прочитанном.

Примечательно, что в настоящем издании собрана большая часть сохранившихся писем Г. Эфрона. Некоторые из них, по подсчетам составителей – 18 штук, в отрывках, с купюрами или полностью – публиковались в различных изданиях с 1975-го года (журнал «Неман», 1975, №8, литературный историко-краеведческий альманах «Болшево», 1992, №2 и др.). Источниками большинства публикаций являлись копии писем, которые лично делала старшая сестра автора – А. Эфрон.

1.2.2. Художественное творчество и переводческая деятельность Г.С. Эфрона

В своей статье Е. Коркина и В. Лосская отмечают, что при жизни Г. Эфрон готовился стать писателем, при этом путь к созданию его художественных произведений находит отражение лишь в эпистолярном творчестве автора, дневниковые тетради, фиксирующие писательский опыт Г. Эфрона оказались утеряны.

В состав анализируемого издания вошел свод поэтического и прозаического творчества Г. Эфрона под общим названием «Проба пера». Комментируя опубликованные

художественные опыты автора, Т. Горяева в своей статье отмечает, что представленные тексты, преимущественно стихи, в пору неопытности автора «...редкостно бесцветны, натужны, антилиричны» [Горяева 2017: 12]. Тем не менее, возможно четко определить мотивную и тематическую основу публикуемых материалов, – нередко, в своих текстах автор обращается к иронии и обличению, исключения составляют лишь несколько работ, по определению Т. Горяевой – откровенных, выражающих «лучшие чувства – любви, жалости, оскорбления за унижение любимого» [Горяева 2017: 12]. Как отмечает составитель издания Алина Попова, литературные опыты Г. Эфрона в избытке показывают те эмоции, в отсутствии которых не раз упрекали молодого автора после первой публикации дневниковых записей: «Доминанты его стихов и прозы налицо: это мечта о великой любви, и о прекрасной подруге, тоска по Парижу – городу его детства, критический, а порой – саркастический взгляд на окружающих, сомнение в главных жизненных ценностях и желание все же их утвердить» [Попова 2017: 5]. В этом высказывании, в противовес Т. Горяевой, стоит отметить, что в художественных текстах Г. Эфрона можно очертить круг тем его беспокоящих, которые он стремился развивать иначе, в другой форме, еще не до конца доступной и освоенной им. Таким образом, данные тексты являются важным дополнением к представлениям исследователей и читателей об авторе.

В поэзии Г. Эфрон, как и в дневниковых записях, чередует русскую и французскую речь: «...подобно тому, как в дневнике газетные и радиоштампы СССР конца 1930-х годов перемежаются школьным французским жаргоном, так и в стихах пропагандистские формулы военного времени уживаются бок о бок с поисками красоты, пришедшими из текстов Готье, Малларме и Рембо, колониальной экзотикой и подростковыми мечтами о любви» [Попова 2018: 6]. Можно подчеркнуть, что несмотря на еще не оформившийся самостоятельный стиль, художественные опыты Г. Эфрона представляют собой важный корпус текстов молодого автора, который только начинает свой творческий путь, и как верно отметила А. Попова – небольшие произведения автора дают исследователям возможность еще раз очертить тематический круг, которому автор уделял внимание не только на страницах мемуарных текстов, но и к которым ему важно было обратиться в художественном творчестве. Попытки освоения автором поэтической и прозаической литературы по времени совпадают с поступлением Г. Эфрона в Литературный институт, где он в полной мере развивал этот навык, представляя уже на суд преподавателей и студентов свои работы.

Литературная тетрадь автора «Проба пера» включает тридцать восемь стихотворений – восемь из которых являются отражением темы Парижа и воспоминаний о нем. В поэтических работах Г. Эфрона – Париж является не только городом, но и местом действия. В обращениях к нему, автор использует как мужской, так и женский род, как во французском языке, который допускает для Парижа обращение в форме женского рода (чаще в литературных произведениях). Создаваемые автором образы, по замечаниям исследовательницы чередуются: Париж для Г. Эфрона – это город-друг, город-сестра, символ «...утраченного счастья из воспоминаний» [Попова 2018: 6]. Отражение обозначенной темы можно найти на страницах завершающих дневниковых записей автора, где он возвращается к размышлениям о судьбе города и мыслях о возвращении во Францию, отказываясь от своей цели жить в СССР и стать частью этого общества.

В то же время, опубликованные тексты обладают характерной автобиографичностью, которая наиболее четко проявляется в прозаических работах Г. Эфрона. Написанная автором в июле 1941-го года «Грустная сказка», по замечаниям Е. Коркиной, полнее раскрывает «...внутренние противоречия между старшим и младшим поколением временных обитателей болшевской дачи, чем все мемуарные свидетельства, усугубляя эту коллективную трагедию судеб» [Коркина 1995: электронный ресурс]. Согласно заключениям исследовательницы, художественное творчество такого рода, может указывать на некоторые лакуны дневниковых и эпистолярных текстов. Для мемуарного творчества автора характерен практически полный отказ от упоминаний отца – С. Эфрона, что по наблюдениям исследовательницы, может быть неслучайно, и в данном случае – поэтические и прозаические опыты (как «Грустная сказка») могут служить ответом на то, почему Г. Эфрон исключает тех или иных персонажей из повествования. На автобиографическое начало художественных опытов автора указывает и А. Попова, подчеркивая, что «голос их создателя пробивается, и напоминает голос из писем» [Попова 2018: 11], что также может указывать на поиски Г. Эфроном своего стиля.

Исследовательница Д. Бурлакова указывает на существующие данные о том, что Г. Эфрон, будучи на фронте занимался тем, что собирал материал для своих будущих романов. Автор планировал создать два произведения – о французской и русской жизни, что указывает на автобиографическую составляющую планируемых текстов [Бурлакова 2015: электронный ресурс]. В свою очередь, сюжетом романов могла стать жизнь писателей в эвакуации, о чем свидетельствуют найденные в дневниковых записях фрагменты будущего

повествования. Данные произведения по своей природе и идее, могли бы представлять интерес для исследовательской публики, так как описанное, по сути, представляет наблюдения человека, выросшего на Западе, но наблюдающего «внутреннюю писательскую, да и вообще советскую жизнь» [Бабицкая 2020: электронный ресурс]. При этом, комментируя высказывание исследовательницы, – создавая произведение такого рода, автору могла быть свойственна точность, жестокость и практически полное отсутствие каких-либо рамок или цензуры, влияющей на характер повествования.

В то же время, важно подчеркнуть, что, создавая свои художественные тексты, Г. Эфрону была свойственна подражательность, на которую неоднократно указывают исследователи. М. Белкина, как и Е. Коркина, обращает внимание на то, что написанные произведения не представляют ярко выраженного авторского стиля, преимущественно являясь следованием французским авторам, к чьим работам нередко обращался Г. Эфрон в жизни, отмечая на страницах дневника и в письмах свой интерес к французским писателям.

При поступлении в Литературный институт, автор в своем заявлении пишет, что считает себя переводчиком, нежели поэтом или прозаиком. Среди сохранившихся переводческих трудов Г. Эфрона – фрагмент романа Ж. Сименона «Преступление моих друзей», – автор перевел лишь начало произведения, не успев дойти дальше двух первых глав. Е. Коркина отмечает, что данная работа может быть последней известной литературной работой Г. Эфрона [Коркина 1995: электронный ресурс]. Вторым переводом автора могло быть эссе Поля Валери «Взгляд на современный мир», о котором автор упоминает еще в дневниковых записях периода ташкентской эвакуации в конце марта 1943-го года, а также в письмах к сестре – отмечая, что переводческая деятельность действительно может стать его профессией в будущем.

Среди других литературных интересов Г. Эфрона стоит коротко обозначить его увлечение сбором цитат из любимых книг. Идея вести антологию пришла к Г. Эфрону на пути в ташкентскую эвакуацию, после чего, в тетрадь, названную «*Diverses Quintessences de l'esprit modern. XIX – XX siècles. Antologie de citations*» вошли имена Монтерлана, Тэна, Селина, Хемингуэя, Жида, Хаксли, Бергсона, Валери, Тургенева, Ахматовой, Гумилева, Мандельштама. По наблюдениям А. Поповой, зафиксированные имена являются существенным дополнением исследовательских представлений о литературных предпочтениях автора, которые не получили полноценного рассмотрения на страницах

дневниковых и эпистолярных текстов [Попова 2018: 12], таким образом расширяя круг литературных интересов автора, так как на страницах мемуаристики, некоторые писательские имена вовсе не были упомянуты.

Помимо увлечения автора письменными жанрами, стоит обозначить и его нелитературные интересы. На сегодняшний день в РГАЛИ находится более 400 листов с рисунками Г. Эфрона за период с 1933-го по 1944-й год включительно. Художественная сфера жизни автора остается малоизученной и в современном литературоведении не получает критического или исследовательского комментария, таким образом, анализируемое издание представляет первый взгляд на его нелитературное творчество. В своих дневниковых записях Г. Эфрон неоднократно отмечает интерес к графике, в определенный момент решая заниматься ею профессионально: «...вообще, я люблю графику (перо, карандаш, тушь, гравюру и т.п.) и не переносу живопись (масло, акварель), но если я буду учиться, то мне придется через это пройти. Мне главное, чтобы из меня вышел хороший художник» [Эфрон 2017: 113]. В дневниковых записях 1940-го года, автор описывает свой ученический путь, отмечая, что конечной целью обучения станет работа в газетах или журналах, где Г. Эфрон планировал рисовать карикатуры. Т. Горяева в своей статье пишет, что рисование увлекало автора и отвлекало от насущного, привнося в жизнь яркие краски. Исследовательница подчеркивает, что его рисунки – это попытка осмыслить окружающую действительность – представляя, в основном, карикатуры и шаржи, «очень похожие на те, что молодой человек видел в популярной французской сатирической газете “Le Canard enchaîné”; в некоторых случаях, они объединены в единый сюжет» [Горяева 2017:14]. Для Г. Эфрона в его творчестве было характерно обращение к изображению видных политических деятелей, абстрактных композиций, зачастую изображая фигуры, которые не получали имени, но в лицах которых можно было узнать ту или иную историческую фигуру. В то же время, нелитературное творчество автора является ценным и необходимым дополнением публикуемых текстов, которые дают возможность более точно определить особенности личности Г. Эфрона и анализируемых дневниковых текстов.

Примечательно, что в 1941-м году Г. Эфрон оставляет занятие рисованием на профессиональном уровне, большинство рисунков откладывая, никак не комментируя свое увлечение. До этого, в дневнике автор отмечает следующее: «Выяснилось, что в моих рисунках не было ничего такого необыкновенного, и я просто дурак, что рисовал только “абстрактные карикатуры”, совершенно идиотские и никчемные» [Эфрон 2017: 113]. Тем не

менее, несмотря на отсутствие комментария к своему увлечению, автор продолжает создавать карикатуры и шаржи, пополняя коллекцию рисунков без цели быть опубликованным в местных изданиях. Впоследствии прислушавшись к комментариям старших товарищей, знакомых М. Цветаевой, Г. Эфрон попытается переделать свое творчество, начиная с азов – рисуя натюрморты, используя масло, но оставляет эту идею, рисуя исключительно для себя.

ВЫВОДЫ К ПЕРВОЙ ГЛАВЕ

1. Жанр личного дневника является составляющей более широкого понятия – эго-текст, который включает в себя другие произведения автобиографического характера – мемуары, письма, автобиографии и т.д. В центре понятия эго-текста, как правило, личность его автора, а именно – авторское «я» или «эго», которое получает развитие на страницах эго-документальной литературы.

2. Источники личного происхождения, к которым относят дневниковую прозу – предмет активных исследований литературоведения и смежных наук последнего двадцатилетия. За время изучения этого явления литературы, исследователи, представители разных теоретических направлений, неоднократно расходились в своих теориях относительно специфики определения жанра и особенностей самих текстов. Представители западного литературоведения отмечают, что расхождения в исследованиях могут возникать из-за невозможности ознакомления с исследованиями представителей разных школ – в качестве причин указывается отсутствие переводов, доступа к новейшим исследованиям, а также площадки для дискуссий, в которой исследователи могут обмениваться профессиональным опытом. «Мостом» между Западом и Россией становятся ежегодные конференции, посвященные изучению эго-текстов, а также новые, общедоступные научные журналы, на страницах которых представлены современные исследования, в которых авторы уже используют подходы зарубежных коллег.

3. Характерными особенностями дневникового текста является соответствие календарному принципу, последовательность и фрагментарность записей, выстроенных в хронологическом порядке, не предполагающих строгой регулярности. При этом, тексты такого рода имеют установку на подлинность, которая всегда будет оставаться таковой для автора дневника, но может расходиться с тем, что происходит в действительности. Содержательно дневниковый текст может представлять как попытку самоанализа автора, так и фиксацию будней, обращение к прошлому или будущему, но с позиции настоящего времени, при этом, являясь текстом, который предполагает возвращение к написанному и не имеет определенного завершения.

4. В современном литературоведении принято выделять следующие функции ведения дневника: 1) дневник, как механизм сохранения свидетельств индивидуальной памяти; 2) целенаправленное письмо для конкретных адресатов, с целью ознакомить некое

лицо с особенностями своей жизни; 3) дневник, как терапевтический ритуал, с целью познать свое «я»; 4) «аутокогнитивная» функция, заключающаяся в том, чтобы вернуться к написанному с целью самоанализа; 5) функция культурно-игровая, как способ выговориться; 6) очистительная функция, как способ систематизации ежедневно усваиваемой информации; 7) литературно-творческая функция, которая проявляется в тренировке письма, попытке создания текстов.

5. Творческий путь Г.С. Эфрона многообразен в своем воплощении. На протяжении пяти лет жизни в СССР, автор обращался к разнообразным жанрам, развивая свое дневниковое, эпистолярное, поэтическое, прозаическое, переводческое и художественное творчество. В то же время, ведущими жанрами среди его творческих опытов являлись мемуарные тексты, а именно – дневники и письма, к которым Г.С. Эфрон обращался на протяжении жизни чаще всего.

6. Особенности мемуарного творчества Г.С. Эфрона определяются личностью самого автора, который становится свидетелем и участником событий начала Второй мировой войны, фиксируя военные сводки, передаваемые радиоканалами СМИ. При этом, важной особенностью анализируемых текстов является их психологический компонент – на страницах мемуарных текстов автора происходит развитие молодой личности, оказавшейся в сложных жизненных обстоятельствах. Немаловажным элементом мемуарного творчества автора является фиксация им последних лет жизни М.И. Цветаевой, а также закулисы творчества ее литературных современников. В свою очередь, эпистолярное творчество Г.С. Эфрона – важное и необходимое дополнение анализируемых дневниковых текстов, которое позволяет заполнить хронологические лакуны, а также увидеть другую сторону автора, которая не была раскрыта полностью на страницах дневников.

7. Несмотря на некоторую неопытность Г.С. Эфрона в создании художественной литературы, данный корпус текстов позволяет взглянуть на развитие литературного дара молодого автора. В свою очередь, графические работы Г.С. Эфрона – еще одно интересное творческое увлечение автора, позволяющее посмотреть на его личность и творческие особенности под другим углом.

ГЛАВА 2. СПОСОБЫ РЕАЛИЗАЦИИ СТРАТЕГИИ САМОРЕПРЕЗЕНТАЦИИ В ДНЕВНИКАХ Г.С. ЭФРОНА

2.1. История публикации дневниковых текстов Г.С. Эфрона

Выбранные для анализа дневники Г. Эфрона представляют собой двухтомное издание, опубликованное издательством «АСТ» в период с 2017-го по 2018-й год. Составители издания условно разделили дневниковое творчество автора на две части – на два жизненных периода: первый том «Неизвестность будущего» (2017) охватывает события с 1940-го по 1941-й год – время от возвращения автора и его семьи в СССР до смерти матери – М. Цветаевой; второй том «Записки парижанина» (2018) – представляет события с 1941-го по 1943-й год – время от начала самостоятельного существования Г. Эфрона на территории СССР до эвакуации в Ташкент.

В состав первого тома дневников вошли письма автора от 20 января 1940-го года по 19 июня 1941-го года, адресованные его близкому окружению – Е. Я. Эфрон, М. И. Цветаевой (обращения к матери представляют записки, которые автор оставлял уходя из дома, в них он указывал свое местонахождение и время возвращения домой), А. С. Эфрон. В состав второго тома дневников Г. Эфрона вошли письма созданные в период пребывания автора в Москве, Ташкенте и армии от 11 сентября 1941-го года по 4 июля 1944-го года. Адресатами писем также является близкое окружение автора – Е.Я. Эфрон, Д.В. Сеземан (Митя), С.Д. Гуревич (Муля), З.М. Ширкевич, А.С. Эфрон, Л.А. Озеров. Стоит отметить, что письма адресованные Д.В. Сеземану и Л.А. Озерову насчитывают всего по одному обращению. Важным дополнением нового издания, а именно второго тома опубликованных дневников, стали первые литературные опыты автора, под названием, которое лично Г. Эфрон дал своему не мемуарному творчеству – «Проба пера». Раздел включает в себя поэтические и прозаические тексты, создание которых относится к 1941-му – 1942-му году. Оба тома дополняют рисунки Г. Эфрона, которые создавались им в период обучения графике и рисованию. Представленные в издании рисунки публикуются впервые, и в некоторой степени являются иллюстрацией записей Г. Эфрона, которые охватывают период интереса автора к жанру карикатуры.

Первый том дневников Г. Эфрона открывается предисловием Е. Коркиной и В. Лосской, которое дублирует вступительную статью первой публикации мемуарных текстов

автора в 2006-м году. Помимо этого, двухтомник открывает статья директора РГАЛИ Т. Горяевой – «Черное на белом: страсть к рисованию», где автор касается аспектов личности молодого мемуариста, подчеркивая, что публикуемый дневниковый текст – неполный, и для восстановления хронологии жизни автора требуется его биография, составленная по материалам сохранившихся документов, свидетельствам современников и данным мемуарных и эпистолярных текстов семьи Г. Эфрона.

Второй том публикуемых дневников открывается статьей составителя А. Поповой – «А здесь – я один, сам с собой, с прошлым и переживаниями», где автор восстанавливает лакуны в дневниковом повествовании Г. Эфрона. Завершается том статьей Т. Горяевой «Право на воскрешение», в которой автор подводит итог дневниковому творчеству Г. Эфрона. В качестве послесловия выступает статья Е. Коркиной и В. Лосской «Автопортрет на фоне одиночества», в ней авторы подводят итог творческому пути Г. Эфрона, отмечая, что его мемуарные и художественные тексты получают право на дальнейшее рассмотрение и полноценное исследование. Оба тома включают в себя примечания, где составители дают уточняющий комментарий к каждой дневниковой тетради, вводя в исторический контекст, комментируя новые, незнакомые читателю имена, поясняя стилистические особенности письма Г. Эфрона.

На данный момент известно лишь о 17-ти сохранившихся дневниковых тетрадях. «Дневник №17» завершается записью от 25 августа 1943-го года, за месяц до отъезда автора из эвакуации в Ташкенте в Москву. Стоит отметить, что на сегодняшний день не существует полноценных и достоверных сведений о тетрадях №11 и №12. Отсутствие данных дневниковых текстов, по замечаниям составителей издания, образует в общей хронологии записей – лакуну в весь 1942-й год. Помимо перечисленных тетрадей, отсутствуют дневники осени 1943-го года, когда Г. Эфрон возвращается в Москву. Предположительно, в месяцы нахождения в Москве и до мобилизации в 1944-м году, Г. Эфрон продолжает вести дневник, который берет с собой в армию, но впоследствии тетрадь была утеряна вместе со своим владельцем.

2.2. Общая характеристика дневниковых тетрадей Г.С. Эфрона

Обращаясь к характеристике дневниковых тетрадей Г. Эфрона, стоит обратить внимание на частоту ведения записей, особенности хронологии, датировок, тематическое и

содержательное поле, выявляя фокус внимания автора, а также приемы в создании образов окружающих людей.

Отмечая композиционные приемы Г. Эфрона в ведении личного дневника, стоит отметить особенности нумерации, которой придерживается автор на протяжении всего письма. Каждая дневниковая тетрадь обладает соответствующим названием: «Дневник №2» (первая тетрадь была конфискована с бумагами А. Эфрон после ее ареста), и так далее по порядку. Как было упомянуто ранее, в хронологии представленных автором событий существуют определенные временные пробелы, в свою очередь, письма, опубликованные во втором томе дневников «Записки парижанина», позволяют частично заполнить эти пробелы, и восстановить хронологию жизни автора. Таким образом, «Дневник №5» хронологически продолжается еще несколькими страницами записей, которые озаглавлены как «Отрывки к дневнику», а следующий за этими листами «Дневник №6» состоит из записи только одного дня; «Дневник №9» начинается за последней записью «Дневника №8» в той же тетради через три дня.

Составители издания при обработке материала и подготовке текста к публикации, придерживались авторской нумерации, но в предисловии к первому тому, и в примечаниях к обоим томам давали уточняющие комментарии, которые позволяли идти по хронологии. Тем не менее, сохранившаяся авторская нумерация, упомянутая ранее, дает возможность установить отсутствие конкретных дневниковых тетрадей и соответствующие пробелы в них. Исследователи отмечают, что особенностью каждого представленного дневника является и характер бумаги, на которой Г. Эфрон ведет записи. В 40-е годы, на территории СССР распространялся так называемый бумажный кризис – достать бумагу для личного пользования практически не было возможно, в свою очередь, для использования в школах была введена соответствующая норма. Таким образом, Г. Эфрон большинство своих тетрадей вел на страницах и листах, не предназначенных для письма.

Дневник №2 (4 марта – 29 марта 1940-го года) – первая известная, дошедшая до современного читателя тетрадь. Сюжетно «Дневник №2» представляет события после переезда семьи Г. Эфрона в СССР, а именно – жизнь в Голицыно, посещение Дома отдыха, общение с его обитателями. Основу тетради составляют записи, фиксирующие события частной жизни автора и его семьи, что будет перекликаться с событиями внешнего характера – находясь в стенах Дома отдыха, Г. Эфрон получил возможность быть негласным

наблюдателем того, что происходит в его стенах и за его пределами – там, куда ему еще не было доступа.

Помимо этого, автор останавливается и на развернутых портретно-психологических характеристиках обитателей Дома отдыха, приводя, в большей степени, оценочные характеристики новых знакомых: «в Дом отдыха приехал некий Пяст – странный субъект болезненно-эпилептического вида с собачьими глазами и страдающий определенной отдышкой и грузно-неповоротливым телом, ровно как и узкой головой с высоко-желтовато-морщинистым лбом. Видно, что этот Пяст чем-то опасно болен, но жалость, которую к нему по этому поводу испытываешь, оттесняется некоторым омерзением» [Эфрон 2017: 29]. Из представленного фрагмента видно, что Г. Эфрон, в первую очередь дает оценочные характеристики, обращая внимание на особенности внешности героя, уже после чего делает предположение о том, каким этот человек может оказаться с точки зрения психологизма.

Важной сюжетной составляющей представленной тетради являются размышления Г. Эфрона на определенные темы – автор старается осознать положение семьи, подчеркивая свое желание скорее адаптироваться и обрести круг общения. После чего, как правило, автор обращается к актуальной для семьи теме – аресту отца и сестры, чему уделяет немало времени, анализируя и строя прогнозы относительно того, что явилось настоящей причиной ареста, и как скоро С. Эфрон и А. Эфрон смогут вернуться домой. По замечаниям автора, именно исход этого дела является в некоторой степени тем, что задает тон всему дальнейшему повествованию. Завершением каждой записи в соответствующем дневнике является краткая военная сводка, где автор фиксирует ключевые события с европейского фронта, не вдаваясь в строгую аналитику, изредка давая свою оценку происходящему: «Вчера вечером узнал от Зелинского, что Германия заняла и Норвегию. Здорово. Всегда замечательно, когда развиваются события. Интересно, что будет дальше, и как будет развиваться германо-англо-французская война» [Эфрон 2017: 40], – события, которые не касаются напрямую СССР или Франции автор обозначает коротко, за исключением, если обстановка может представлять для него определенный исторический интерес.

Помимо краткой военной сводки, автор завершает каждую запись словами о надежде, превращая написанное в своеобразную ритуальную составляющую дневников. Как уже было отмечено ранее, переезд в СССР – время нестабильное, семья находится в ожидании новостей об аресте С. Эфрона и А. Эфрон, именно поэтому, автор практически каждую

запись завершает словами о вере в лучшее будущее для него и для семьи: «...ждать, ждать, ждать. Ничего, нужно вооружиться большим терпением...и ждать» [Эфрон 2017: 25], – данная особенность будет проявляться и в следующих тетрадях Г. Эфрона в той или иной степени.

Отмечая особенности частоты ведения записей, можно отметить, что Г. Эфрон обращается к своему дневнику в среднем каждые 2-3 дня, за исключением времени, когда у него нет свободной бумаги для письма или возможности сесть и зафиксировать свои мысли. Некоторые дни насчитывают по две или три записи, что означает возвращение автора к дневнику в течение всего дня. Как правило, если записи относятся к одному дню, но разному времени написания, автор отмечает это следующим образом: «в тот же день» или «вечером того же дня». То же можно отметить относительно хронологии, как правило, автор придерживается единой системы – описывая события, произошедшие с ним за время отсутствия и в день написания записи, постепенно продвигаясь к «фоновым» событиям, которые пока не занимают его день полностью (краткая военная сводка, информация о деле отца и старшей сестры), но в то же время продолжают развиваться вне зависимости от действий Г. Эфрона.

Дневник №3 (29 марта – 29 апреля 1940-го года) – следующая тетрадь сюжетно продолжает первую, отражая события, преимущественно происходящие в стенах Дома отдыха. Автор отмечает свои литературные интересы, фиксируя наименования и давая краткую характеристику прочитанного, как правило, ограничиваясь лишь оценочным определением: «Сейчас читаю – вернее, перечитываю замечательную книгу: Эрскин Колдуэлл, “Американские рассказы”. Только что прочел Паустовского “Колхида”. Смех берет – если сравнивать обе вещи» [Эфрон 2017: 36]. В характеристике своего окружения, автор также останавливается на портретно-психологических описаниях, приводя в большей степени оценочные эпитеты в создании образов знакомых: «...в Доме отдыха все те же критики: Ермилов, Серебрянский, Зелинский, тот же тупоголовый Гроссман, плюс шекспиролог и довольно кислая личность Крыжановский, туркмен Султаниазов, молчаливый и улыбающийся, и грузинка-переводчица, фамилии которой не знаю, и тот же полусумасшедший, производящий тяжелое впечатление Пяст» [Эфрон 2017: 41]. Автор подчеркивает, что данные характеристики лишь часть «впечатления», в ходе же близкого общения, Г. Эфрон будет давать более глубокую, психологическую характеристику персонажа, совмещая с привычными оценочными эпитетами.

Основой данной тетради, в большей степени является фиксация пройденного дня, прочитанная литература, размышления о том, что может ждать семью в будущем – в целом, рассуждения практического, бытового толка, что позволяет автору зафиксировать ход событий и анализировать сложившуюся ситуацию. Завершением каждой записи также является краткая военная сводка и слова о надежде в отношении дела семьи. Автор также обращается к ведению дневника в среднем каждые 2-3 дня, но существуют и исключения, когда Г. Эфрон пишет каждый день. Как правило, в такие дни происходит что-то, что нужно зафиксировать без временного отступа, и сам объем записи будет меньше, нежели чем те, между которыми проходит несколько дней.

Дневник №4 (2 мая – 18 мая 1940-го года) – сюжетно данная тетрадь представляет события, происходящие на территории Дома отдыха. Тем не менее, фокус внимания автора смещается на события более актуальные, к которым Г. Эфрон обращается в начале каждой записи – поиск нового жилья и сопутствующие этому вопросы. Актуализируется и выходит на первый план вопрос ареста семьи Г. Эфрона, так как он и его мать получают новые подробности дела. В описании предстоящего переезда, автор представляет первую портретную характеристику матери, образ которой будет развиваться более подробно, в зависимости от сопутствующих этому событий: «...ужасно то, что у матери хоть и есть масса доброй воли, а логики и простого здравого смысла – очень мало. Потом дело в том, что она приходит в отчаяние от абсолютных мелочей, как то “отчего нет посудного полотенца, пропала кастрюля с длинной ручкой” и т.п. <...> у матери курьезная склонность воспринимать все трагически, каждую мелочь, т.е., и это ужасно мне мешает и досаждают» [Эфрон 2017: 58], – в данном фрагменте автор также придерживается характерного для него приема оценочной характеристики, не обращаясь к более глубокому, психологическому портрету, несмотря на то, что описываемый персонаж – его мать, которую он знает хорошо.

Как уже было отмечено ранее, на порядок описания событий будет влиять их актуальность для автора – что для него является первостепенным в данный отрезок времени. Как и ранее, автор в завершении каждой записи обращается к военной сводке, но давая уже более подробный комментарий, так как представленные события касаются обстановки во Франции. Обращением к надежде на лучшее, также завершаются записи четвертой тетради, проявляясь в разной интерпретации, где автор может открыто говорить о том, что он надеется на будущее, или, где произносит устоявшуюся для него формулировку: «поживем – увидим». В четвертой тетради автор обращается к дневнику чаще – в среднем каждый

день, с перебивками на перерыв в 2-3 дня. Как правило, переход на каждодневное ведение записей связан с происходящими событиями – решение квартирного вопроса, актуальная информация по которому появлялась каждый день.

Дневник №5 (20 мая – 8 июня 1940-го года) – в пятой тетради представлены события, которые охватывают подготовку семьи к переезду и сопутствующие этому события. В целом, записи приобретают более бытовой характер, фокус внимания автора сосредоточен на поиске комнаты. Параллельно развиваются события, касающиеся дела отца и сестры, автор уделяет этому внимание наравне с актуальным для семьи вопросом отъезда, так как семья получает новые подробности относительно ареста С. Эфрона и А. Эфрон. Также, автор продолжает краткую фиксацию прочитанных книг или интересующей его литературы, как и ранее, ограничиваясь лишь краткой оценкой: «перечел замечательную книгу Кафки “Замок” (на французском языке) и остроумные “Caractères es anecdotes” Шамфора» [Эфрон 2017: 70]. Записи, в свою очередь, становятся более объемными, большую часть занимают рассуждения автора о дальнейшем развитии ситуации с переездом. Давая характеристику своего окружения, можно наблюдать, как меняется специфика описания персонажей. На характер оценки персонажа будут влиять происходящие события, как например, в случае с хозяйкой комнаты, которая не разрешила Г. Эфрону и его матери готовить на террасе, на что автор дает хозяйке следующее определение: «Эти люди, которые сдают дачи, – частные собственники, яростно обрабатывающие свой клочок земли; в них нет абсолютно ничего советского. Это самые что ни на есть низкопробные мещане: сплетники, “клопы обывательюсы” – по Маяковскому. Мещан я ненавижу пуще всего, потому что это самые тупые и вредоносные люди, с их мелкой хитринкой, эгоисты и ярые собственники. Их много, но в конце концов жизнь их искоренит, и особенные надежды я возлагаю на молодежь, которой должны опротиветь эти клещи-родители» [Эфрон 2017: 64]. Что интересно, если бы хозяйка поступила иначе, то и оценка автором этого персонажа была бы иной.

В завершении каждой записи, автор продолжает давать краткую военную сводку, комментируя и завершая повествование словами о надежде на лучшее будущее. Как и ранее, в пятой тетради автор обращается к дневнику в среднем каждые 2-3 дня, в хронологии придерживаясь принятого принципа – в первую очередь писать об актуальных вопросах, переходя к тем, что пока не составляют основу его будней.

Отрывки к дневнику (7 июня – 8 июня 1940-го года) – заключительная часть пятой тетради, которая состоит из событий двух дней. Содержательно данный фрагмент отражает момент отъезда семьи из Голицыно, но если первая часть тетради была сосредоточена на бытовой составляющей отъезда, «Отрывки» являются неким философским заключением автора, итогом всего пребывания в городе и Доме отдыха, о чем говорит пространная запись без даты, которая предположительно является частью записи за 8-е июня 1940-го года. Во фрагменте Г. Эфрон отмечает, как он изменился за полгода жизни в России – духовно и физически: «...мое отношение ко всему тому, что меня здесь постигло (аресты отца и сестры, вечные переезды и неуверенность, где в конечном счете будем жить и т.д. и т.п., болезни), очищается от излишних плаксивых замечаний, жалоб и пессимизма тем, что я смотрю на будущее и беру из настоящего все то, что от него можно взять; не оглядываюсь назад; не “смакую” бедствий и неустанно надеюсь, что для меня настанут хорошие, лучшие времена» [Эфрон 2017: 79], – продолжая рассуждение, автор переходит от конкретики, к более пространному, как уже было обозначено ранее, философским заключением: «...нередко благополучие рождает полнейшую неподготовленность к настоящей жизни, и именно все эти тяжелые испытания, которые упали мне на голову, предохранили меня от этой неподготовленности и подготовили меня к новым трудностям жизни, которые могут возникнуть в жизни каждого человека и которые никогда не должны застигнуть его врасплох» [Эфрон 2017: 80]. Таким образом, данной записью, автор завершает историю Голицыно, отмечая свои внутренние изменения и фиксируя мысли о будущем.

Дневник №6 (15 июня 1940-го года) – тетрадь состоит из записи одного дня, сюжетно охватывая события, произошедшие за неделю отсутствия автора – переезд в новую комнату, попытка узнать информацию о поступлении в школу, новые подробности о деле отца и сестры, краткая военная сводка.

Дневник №7 (16 июня – 5 августа 1940-го года) – в данной тетради фокус внимания автора смещается с привычных событий, фиксирующих его будни или ежедневные актуальные вопросы, выдвигая на первый план события, происходящие на фронте. Смещение внимания автора к военным событиям можно объяснить его интересом к положению Франции на военном поле. Описывая происходящие, автор дает более подробный комментарий, выстраивая собственные прогнозы относительно исхода представленных событий. Анализируя происходящие события, Г. Эфрон, как правило, обращается к риторическим вопросам или утверждениям, давая свой вердикт ситуации на

международном фронте. Комментарии подробны, конкретны и аргументированы, отсутствует оценочность, свойственная автору в описании будней или в характеристике людей. Стоит привести следующий фрагмент: «...на всем фронте – теперь очень обширном – французы, несмотря на упорное сопротивление, вынуждены отступить. Теперь вопрос: как скоро и заключит ли французское правительство мир с Германией?» [Эфрон 2017: 85], – ссылаясь на сторонний источник, автор продолжает выстраивать свой прогноз: «...вчера я и мать были у знакомых, к которым пришел человек, сказавший, что он читал в “Комсомольской правде” от 14 июня статью комсомольца из Франции (не статью, а письмо), в которой этот студент заявлял, что эта война (в Зап. Европе) превратилась из войны империалистической в войну национально-освободительную. Кроме того, Песис заявил, что слышал от друзей о том, что Морис Торез (вождь французской компартии) произнес где-то речь (и они эту речь слышали по радио), где он говорил, что нужно сопротивляться агрессору (Германии)» [Эфрон 2017: 85], – на основе полученной от третьих лиц информации, Г. Эфрон выстраивает свое мнение относительно развивающихся событий: «...в общем, я толкую так будущее: если Германия победит, то она непременно пойдет против нас. <...> Опять-таки ничего нельзя предположить “холодно”, потому что теперь мировая политика готовит неожиданные сюрпризы буквально на каждом шагу, и легко можно ошибиться» [Эфрон 2017: 86]. Записи, которые делает Г. Эфрон в седьмой тетради, содержательно и сюжетно представляют более обширный комплекс тем – автор касается вопросов быта (жизнь после переезда), и обращается к актуальным для себя темам дружбы и одиночества, что проявляется в подробных рассуждениях автора на страницах тетради.

Вторая часть седьмой тетради фактически выводит периферийных персонажей в основу сюжета. Так, в повествование входит близкий друг автора, который в той или иной степени будет практически основным персонажем всех тетрадей, опережая по упоминаниям мать автора – М. Цветаеву. Создавая образ Мити, автор также придерживается принципа оценочности, неоднократно называя друга вруном. Но, развивая тему дружбы в целом, на страницах следующих тетрадей, образ Мити будет становиться более целостным.

Г. Эфрон обращается к дневнику практически каждый день, за исключением, когда не может писать физически. Хронологически, автор также придерживается заданного темпа, фиксируя особенности пройденного дня, приоритетные и актуальные темы, возвращаясь к фоновым, которые пока не занимают его день полностью.

Дневник №8 (8 августа – 26 сентября 1940-го года) – сюжетно и тематически автор продолжает развивать нарративы, связанные с новым переездом, параллельно описывая попытку поступить в новую школу. В большей степени, автор фиксирует свои ощущения и переживания от нестабильного положения семьи после состоявшегося переезда. В восьмой тетради, которая хронологически включает в себя события начала учебного года, автор фокусируется на внутренних переживаниях и событиях частной жизни, в попытке проанализировать возможный исход событий. В данной тетради Г. Эфрон также продолжает развивать тему дружбы, подробно описывая свои взаимоотношения с Митей, с которым к моменту ведения данного дневника общение прекратилось, что повлияет на дальнейший характер записей Г. Эфрона.

В оценке своего физического и внутреннего состояния, автор нередко обращается к метафорам: «...опять проклятая неизвестность! Опять некристаллизирующаяся жижа, опять моллюск, опять холодный пуддинг! – Отвратительное состояние! И никто ничего не может сделать!» [Эфрон 2017: 169]. При этом, характерно цитирование других людей, в описании своего морального состояния: « “бред”, как говорит Серебрянский» [Эфрон 2017: 170], – впоследствии на страницах этой и последующих тетрадей, автор неоднократно будет обращаться к данному определению, но уже без указания первоисточника: «рассчитывать на знакомых! Бред» [Эфрон 2017: 170].

Данная тетрадь – начало более глубокого изучения автором своего «я», что проявляется в частых рассуждениях и самоанализе. В описанных ранее тетрадях, автору также был свойственен самоанализ, но на фоне других волнующих его тем, аспект самоузнавания практически отсутствовал, проявляясь лишь в завершении каждой записи, где автор описывает надежду на лучшее будущее для своей семьи. Важно отметить, что задавать тематику и тон повествования будут сопутствующие события, которые и станут причиной глубокого самоанализа. Например, «самоубийственные» настроения М. Цветаевой: «...мать живет в атмосфере самоубийства и все время говорит об этом самоубийстве. Все время плачет и говорит об унижениях, которые ей приходится испытывать, прося у знакомых места для вещей, ища комнаты» [Эфрон 2017: 181], – сразу за этим утверждением следуют мысли Г. Эфрона такого же разрушительного тона, где он отмечает: «...я ненавижу драму всем сердцем, но приходится жить в этой драме. Я не вижу никакого исхода нашему положению. Эти дни – самые ужасные дни моей жизни. И как я буду учиться в такой обстановке? Положение ужасное и мать меня деморализует своим

плачем и “бросайте все”. <...> сегодня – наихудший день моей жизни – и годовщина Алиного ареста. Я зол, как чорт. Мне это положение ужасно надоело. Я не вижу исхода» [Эфрон 2017: 181]. С началом учебы вектор внимания смещается на школу, но автор отмечает, что это его способ бороться с той нестабильностью, которая происходит в бытовой жизни семьи. Фиксируя военную сводку, автор представляет актуальные события еще более коротко, освещая только ключевые моменты, происходящие на зарубежном фронте, таким образом, продолжая хронику военных действий, чтобы не создавать лакун.

В восьмой тетради автор обращается к дневнику в среднем каждые 2-3 дня, в некоторых случаях делая записи дважды в день, отмечая время продолжения: «тот же день – 2 ч. 30 м.». Записи становятся более объемными, так как включают в себя не только внешние события, касающиеся быта, школы и военных событий, но и внутренние переживания автора.

Дневник №9 (29 сентября 1940-го – 20 июля 1941-го года) – в ряду перечисленных тетрадей, наиболее объемной является девятая, охватывающая события в десять месяцев. Дневник представляет события, включающие в себя сюжеты частного и бытового характера, – еще один переезд семьи, поступление Г. Эфрона в школу, посещение культурных мероприятий, чтение литературы, общение с Митей и новыми товарищами, а также события более широкого спектра, охватывающие актуальные военные события в Европе и на территории СССР. Помимо этого, в данной тетради получает развитие и авторский самоанализ, как отклик на темы, беспокоящие автора – одиночество, дружба, попытка осознания своей национальной принадлежности, первые романтические интересы, дело отца и сестры, отношения с матерью. В тетради этого периода, автор выстраивает свой полный автопортрет обращаясь к оценочным характеристикам: «Вообще это довольно смешно: роста я большого, плечи – в меру, ноги – сильны, а руки, как у девушки» [Эфрон 2017: 214], – выявляя и изменения, произошедшие после переезда в СССР: «Теперь же я вытянулся, похудел, построинел, стал хорошо одеваться – и поумнел» [Эфрон 2017: 218], – также давая подробную психологическую характеристику, опираясь на пережитый опыт и описывая свои внутренние ощущения: «Я знаю, что мне осталось много сделать, чтобы окончательно выковать себя, – набраться самоуверенности, вежливости, вырасти и т.п. <...> И я знаю, что мне осталось несколько лет, чтобы свободно вращаться в любой среде. Я знаю, что еще недостаточно отесан. И вообще, какой я могу интерес представлять? Ничего блестящего нет ни в моем разговоре, ни в моей наружности. Возможно, что есть

замечательные “внутренние” запасы, но запасы внутренние ни к чорту не годятся. <...> По существу – я жалкий тип! <...> Но я добьюсь чего хочу – у меня есть воля и ум. Я умею ждать» [Эфрон 2017: 240-241], – таким образом, Г. Эфрон выстраивает свой полноценный портрет, в некоторой степени сравнивая себя из прошлого с собой из настоящего, пытаюсь предугадать, как может сложиться его будущее.

Давая характеристику определенному новому персонажу, автор, как правило, придерживается принципа краткой оценки: «...вчера познакомился с одним из молодых людей, о которых писал вчера. Это – сын маминой подруги, Сони Юркевич. Это тяжелодум, очень добрый человек, <...> он старообразен, говорит медленно. Он хороший человек, но он не блестящ и умом (настоящим) не отличается» [Эфрон 2017: 229], – останавливаясь на характеристиках, возникающих при знакомстве, опуская более подробную, психологическую составляющую образа. В описании некоторых событий, в частности отношений с окружающими, нередко автор обращается к литературным отсылкам: «...интересная штука – борьба личных чувств с долгом! Совсем корнелевская трагедия» [Эфрон 2017: 252]. В целом, для сюжетов данного периода характерна глубокая образность и метафоричность, к которой автор может обращаться неосознанно. Наиболее четко это проявляется в описании чувств и внутренних эмоций по отношению к тому, что окружает автора: «...но я говорю, что они счастливее меня не объективно, а пропорционально. Возможно, что у них было меньше интересных моментов и приключений, и переживаний, чем у меня (даже уверен в этом), но все-таки сейчас они счастливее и более в своей тарелке. А я просто без тарелки. Мясо без гарнира» [Эфрон 2017: 266]. Та же тенденция продолжается и далее, со свойственной авторскому слогу поэтичностью и повторяющейся метафоричностью, для того чтобы наиболее полно передать всю гамму испытываемых им чувств: «...я сижу абсолютно как отравленный. Абсолютно такое состояние, точно тебя травили чем-то противным и грязным. Это – самое ужасное, что может произойти» [Эфрон 2017: 269], – в дальнейшем, указание на «отравленное состояние» будет повторяться Г. Эфроном неоднократно, преимущественно в ситуациях, когда речь будет идти о событиях, от которых зависит положение семьи в обществе и их финансовое состояние. То же можно проследить в эпизодах, где Г. Эфрон описывает свою работу в период начала бомбардировок: «...я устал. Работа была грязная, но я понял, что грязно было не от пыли и сырости, настоящая грязь была у людей внутри» [Эфрон 2017: 385]. Аналогичен автор и в описании своих чувств к определенному человеку: «Я боюсь потерять кусочек счастья.

“Боюсь” – не совсем подходящее слово. Мне заранее грустно от возможной неудачи, от того, что все кончится “ничем”, от холодности, которая все заволакивает. Я не боюсь, но мне больно. Этого еще не случилось, и может быть, все это не так важно, но меня охватывает неопределенная меланхоличность воспоминаний. Я боюсь, как бы слово “Валя” не стало бы для меня звучать как “Париж”. Воспоминания! Это – угрызения совести – ужасно» [Эфрон 2017: 402]. При этом, в описании своего внутреннего состояния, как уже было отмечено ранее, давая более объемную характеристику, Г. Эфрон представляет описание метафоричное, полное средств художественной выразительности, но, как правило, в описании конкретной испытываемой эмоции, автор краток, фиксируя только чувство, которое испытывает: «Мне противно, что он [Митя] все время на меня рассчитывает – в смысле денег» [Эфрон 2017: 273]. Нередко, в характеристике того или иного явления или персонажа, автор обращается к цитированию (косвенному или прямому) литературных произведений «...во всяком случае, я ей послал письмо. Письмо забавное, тонкое и умное (“чего же боле?”)» [Эфрон 2017: 383], или мифологических сюжетов: «вся жизнь моя – между Сциллой и Харибдой» [Эфрон 2017: 383], – указывая, таким образом на свое «катастрофическое» положение в сложившихся жизненных обстоятельствах.

Характерной чертой данной тетради является неоднократное обращение автора к себе в третьем лице: «Георгий Эфрон вчера все-таки пошел на вечер поэзии – утром купил билеты (после школы). Потом звонил Митьке, чтобы предупредить его о том, что купил билеты» [Эфрон 2017: 275]. Тем не менее, данная тенденция завершается на страницах девятой тетради, в дальнейшем автор не возвращается к этому приему, предпочитая вести все записи от первого лица.

К завершению тетради, на первый план выходит военная сводка, происходящее за день опускается полностью, либо фиксируется коротко. Примерно в это же время – записи за июнь 1941-го года – автор полностью переходит на французский язык, что совпадает по времени с началом боевых действий на территории СССР, в частности, в Москве. Меняется и тон повествования, уходит свойственная ранним записям Г. Эфрона эмоциональность и анализ, в сторону более конкретных и четких суждений. В девятом дневнике автор обращается к ведению тетради в среднем каждые 2-3 дня, сохраняя ритм до завершения дневника.

Дневник №10 (20 июля – 30 августа 1941-го года) – сюжетно продолжает события предыдущей тетради – начало военных действий, работа Г. Эфрона на дежурстве, эвакуация из Москвы. Автор уделяет внимание своим внутренним переживаниям, фиксируя чувства и эмоции по отношению ко всему происходящему – неприятие отъезда из Москвы, нестабильное финансовое положение, военные действия, продолжая глубокий самоанализ: «...цепляюсь за что-то нормальное, объективно для меня не потерявшее своего значения и ценности. Попытки оправдать какими-то радостями бесцельное и глупое мое теперешнее существование» [Эфрон 2017: 422], – затрагивая тему поиска и осознания себя в жизни. Фокус внимания автора останавливается преимущественно на событиях, происходящих на фронте, начиная записи с подробной военной сводки, завершая рассуждениями о возможном исходе ситуации и дальнейших действиях семьи.

Записи, фиксирующие отъезд семьи из Москвы представлены полностью на французском языке, что может говорить о попытке автора скрыть свои мысли от посторонних глаз, так как в этих текстах представлены наблюдения за попутчиками. Описывая пассажиров теплохода, Г. Эфрон, как и ранее, обращается к оценочным эпитетам, обозначая наиболее яркие, ключевые особенности того или иного персонажа: «Несколько наблюдений за русскими: они обожают сигареты, чай, соленые огурцы, собак и кошек, Волгу, балет, оперу, Золя, Бальзака и малые народы» [Эфрон 2017: 438]. Таким образом, автор выстраивает характеристику, основываясь лишь на наблюдениях, при этом, делая определенные выводы об увиденном.

Дневник №10 – продолжение (31 августа – 18 ноября 1941-го года) – сюжетно записи данной тетради представляют первые месяцы самостоятельного существования Г. Эфрона на территории СССР после ухода М. Цветаевой. Большая часть повествования фиксирует события адаптации автора на новом месте – попытку освоиться в Чистополе, отмечая особенности быта, возможности обучения, анализируя и пытаясь выстроить свою дальнейшую судьбу, в то же время, фиксируя внутренние переживания, которые являются отражением непринятия сложившейся ситуации.

Характерной особенностью данной тетради является тон повествования, который становится более резким и менее последовательным: «...все эти два дня работал над идиотской “общественной нагрузкой”, состоящей в переписке всех ребят детсада и интерната. И то в РОНО оказались недовольны. Х... с ними. У меня пропали две

заграничные авторучки – очевидно, их стыбрили какие-нибудь малыши. Сволочи!» [Эфрон 2018: 31], – тем не менее, Г. Эфрон продолжает фиксировать все происходящее, с целью систематизировать поток получаемой информации.

В ведении записей второй части десятой тетради, автор чаще обращается к французскому языку, предпочитая короткие перебивки, в отличие от полного перехода от одного языка к другому. При этом, если автор переходит на французский полностью, как правило, речь может идти о вещах, которые могут быть ему неприятны, или которые он хочет скрыть от посторонних глаз: «На улице – серая слякоть. А здорово: *осадное положение! Осадное положение... Мы сразу воображаем крепости, рыцарей, турниры и битвы...Ах! Действительность от этого весьма далека... Но, черт возьми, принесет деньги, условия для работы, путешествия, женщин...*» [Эфрон 2018: 57]. Подобного рода перебивка будет проявляться в записях и следующих дневников. Со временем, Г. Эфрон отказывается от полноценного ведения записей на французском, останавливаясь лишь на кратких вкраплениях языка в свое повествование.

Как и ранее, практически каждая запись десятой тетради завершается повторяющимися словами о надежде: «...что бы то ни было, но я неизменно сохраняю веру в себя, в свое светлое будущее. Когда у человека есть твердая воля, то, как бы ему не мешали обстоятельства, при наличии ума, как у меня, он всегда выплывет на поверхность. Я же пытаюсь сейчас добиться своего в наикратчайший срок. Главное в таких смутных положениях – это видеть точно и ясно то, чего ты хочешь» [Эфрон 2018: 21-22], – тем не менее, автор дает более развернутый комментарий, рассуждая на обозначенную ранее тему.

В десятой тетради автор обращается к дневнику в среднем каждые 2 дня, нередко возвращаясь к записям дважды в день, как правило, отмечая время повторного обращения к тетради.

Дневник №13 (3 января – 18 февраля 1943-го года) – сюжетно данная тетрадь представляет события через два года после эвакуации автора в Ташкент. На момент ведения тетради Г. Эфрону уже исполнилось 18 лет, автор получает призывную бумагу, поэтому, часть событий дневника сфокусирована на теме возможного отбытия в армию. Как уже было отмечено ранее, в дневниках 1943-го года, Г. Эфрон выдвигает на первый план повествования проблему пропитания и поиска денег. Относительно поиска пищи, автор детально описывает ее вкус, качество, текстуры, таким образом, вопрос пропитания

составляет основу повествования, и сам Г. Эфрон неоднократно подчеркивает, что на характер его дневника будет влиять качество полученной им пищи.

В то же время, на страницах дневников этого периода, автор продолжает фиксировать прочитанную им литературу, просмотренные фильмы или спектакли, как и в ранних тетрадах – кратко комментируя свои впечатления. Записи ташкентских дневников завершаются краткой военной сводкой, где автор рассуждает о сложившейся обстановке на мировом и советском фронте. Стоит отметить, что за два года тон повествования в дневниках меняется, став более сдержанным и менее эмоциональным, при этом, автор сохраняет строгий аналитизм в своих суждениях, стараясь предугадать исход тех или иных событий.

В данной тетради автор также продолжает заданный ритм и обращается к дневнику в среднем каждые 2-3 дня, в некоторые дни возвращаясь к записям дважды или трижды, отмечая временной промежуток соответственно: «вечером того же дня» или несколько раз повторяя дату.

Дневник №14 (20 февраля – 9 апреля 1943-го года) – тематическое и сюжетное продолжение предыдущей тетради. Автор фокусирует свое внимание на практических и бытовых проблемах, а именно, дает краткие подробности школьной жизни, обозначает литературные интересы, описывает процесс поиска денег и еды. Как и ранее, в данной тетради Г. Эфрон выводит на первый план проблему пропитания, автор опускает ранее актуальные для него вопросы. В самостоятельной жизни, отражением которой становятся тетради 1943-го года, автор проходит определенную трансформацию в сторону бытоописания, уделяя своему «я» меньшую роль, что можно объяснить вытеснением одного жизненного аспекта другим, более важным и актуальным.

В то же время, автор продолжает ведение военной сводки, как правило, завершая этим каждую запись дневника, давая краткий комментарий ключевым происходящим событиям: «...налеты, налеты, налеты на Германию» [Эфрон 2018: 172]. Несмотря на то, что фокус внимания Г. Эфрона смещается с ранее актуальных вопросов, он продолжает вести военную хронику, кратко фиксируя происходящее на мировом поле, чтобы не создавать лакун в повествовании.

Автор продолжает ведение записей каждые 2-3 дня. Особенностью данного дневника является отсутствие характерных сюжетных составляющих, – автор практически не останавливается на особенностях своего дня, рассуждениях и самоанализе, в некотором смысле, как уже было отмечено ранее, существующие проблемы постепенно вытеснили из повествования ранее актуальные вопросы.

Дневник №15 (16 апреля – 11 мая 1943-го года) – тематически и сюжетно дневник данного периода представляет продолжение ранее описанных тетрадей. Г. Эфрон выводит на первый план повествования бытовые вопросы, при этом, как и ранее, проблема поиска денег и качественной еды вытесняет другие значимые для автора темы, – характерно практически полное отсутствие описаний внутреннего характера, затрагивающих психологические аспекты личности автора, в меньшей степени проявляется склонность автора к аналитизму. Для дневниковых текстов ташкентского периода также не характерны ранее затронутые темы дружбы, одиночества, любви.

Давая военную сводку, автор продолжает коротко обозначать ключевые моменты боев: «Бомбежка нашими самолетами Тильзита. На фронтах – ничего существенного» [Эфрон 2018: 177]. При этом, автор может давать более развернутый комментарий, касающийся войны, в привычной для него форме рассуждения: «Война становится действительно занудной. Когда же она кончится, черт возьми! И я абсолютно уверен, что, как только прекратятся военные действия, у России будут серьезные неприятности по поводу соседних стран. Да, политическое будущее далеко не розовое. Я же хочу только одного, чтобы меня оставили в покое <...>» [Эфрон 2018: 172]. В данной тетради автор придерживается принципа каждодневного обращения к дневнику, что заключается в более детальной фиксации происходящих событий, будь то поиск пропитания или особенности быта.

Дневник №16 (16 мая – 16 июня 1943-го года) – данная дневниковая тетрадь также является тематическим и сюжетным продолжением предыдущих тетрадей. Как и ранее, на первый план повествования Г. Эфрон выдвигает проблемы бытового характера – попытки найти или заработать денег, размышления на тему того, сколько необходимо заработать, чтобы оплатить комнату и купить сытной еды, и сопутствующие этому вопросы. В своих записях автор неоднократно отмечает, что от исхода бытовых вопросов зависит его дальнейшее существование, и именно поэтому, он не может говорить ни о чем другом, даже

на страницах своих дневников: «о Боже, Боже, ну как же все погано и надоедливо сквозь призму голода. Буквально все помыслы – на еде» [Эфрон 2018: 192]. Впоследствии каждая запись будет представлять собой рассуждение о голоде и невозможности жить дальше: «...я просто заболеваю от зависти и голода, когда вижу людей, тащащих “авоськи” полные бубликов, булочек и прочих благ» [Эфрон 2018: 192]. В завершение каждой записи, автор дает краткую характеристику происходящих и актуальных событий, фиксируя успехи в школе, планы на следующий день, чтение литературы, написание романа, решение вопроса о призыве. В тетрадях лета 1943-го года, автору свойственно давать краткий комментарий по вопросу, который его беспокоит: «...но я полон любопытства к своей собственной судьбе, и мне объективно интересно, с точки зрения историка и романиста, как она будет в дальнейшем разворачиваться. Трудфонд, институт, работа? Москва или Ташкент? Для меня эти вопросы чрезвычайно важны. И пока они не решатся – жить по-прежнему скучно, в беготне и ташкентском застое» [Эфрон 2018: 195], – при этом, что интересно, вопросы своего жизненного благополучия, размышления на разные темы, касающиеся жизненных аспектов – постепенно уходят на последний план, выступая для автора в качестве фона, как это было и в первых тетрадях, где автор опускал в завершение записей темы, которые пока не стоят остро и не нуждаются в дополнительном комментарии. Частота ведения записей составляет промежуток в два дня, при этом, записи также остаются объемными.

Дневник №17 (18 июня – 25 августа 1943-го года) – заключительная дневниковая тетрадь Г. Эфрона. Тематически и сюжетно дневник охватывает события, сопутствующие военному призыву автора. Данный вопрос, будучи ранее фоновым, выдвигается автором на первый план, смещая фокус внимания Г. Эфрона с вопроса о поиске средств к существованию и пропитания. В описании своих будней, автор вводит в повествование персонажа Раю – свой романтический интерес, преподавательницу французского, отношения с которой будут развиваться на страницах заключительной тетради. При этом, в описании своих взаимоотношений с Раей, автор опускает подробности занятий языком, сведения биографического характера, рассматривая Раю, как объект обожания, наделяя ее соответствующими характеристиками: «Рая красива, но не чувственна по натуре своей, вероятно, несмотря на то, что считает, что преодолела этот период. Вообще, она слишком подобна мне, слишком опустошена, чрезвычайно нездорова; ну а мне нужна такая женщина, которая “дополняла” бы меня своим здоровьем; Рая же слишком умна и тонка <...>» [Эфрон 2018: 261]. Автор также обращается к ведению военной сводки, но, аналогично

предыдущим тетрадам, ограничиваясь лишь краткими комментариями по актуальной обстановке на мировом и советском фронте: «...неужели Red Army возьмет Орел?! Он окружен. В Италию, вероятно, скоро после окончания дел в Сицилии вторгнутся союзники» [Эфрон 2018: 262], – при этом, если события, происходящие на фронте заинтересовали автора, он может давать и более развернутый комментарий, аналогичный тем, что были представлены Г. Эфроном в ранних тетрадах, где политические и военные сводки занимали часть повествования.

В заключительной тетради автор обращается к ведению дневника в среднем каждый день, или каждые два дня, при этом, события, описанные на страницах дневника, охватывают больше сторон жизни автора, поэтому частота ведения тетради увеличивается.

2.3. Способы саморепрезентации в дневниках Г.С. Эфрона

Ранее уже было отмечено, что интерес Г. Эфрона к ведению записей личного характера возникает после возвращения автора с семьей в СССР в 1939-м году. Автор обращается к форме дневниковой прозы с целью фиксировать на страницах тетрадей свои ежедневные впечатления о жизни в Москве и СССР. На страницах дневников, как уже было продемонстрировано выше, автор фиксирует особенности быта, общественно-культурную жизнь города, записывая свои мысли об окружающих его людях, которые населяют город и общие места обитания. Дневниковое творчество Г. Эфрона с годами проходит определенную трансформацию, выступая для автора не только в качестве документа, фиксирующего особенности жизни советского общества, но и являясь средством самонаблюдения, самоописания и самоанализа, где осуществляется познание авторского «я» через окружающий мир.

Таким образом, в процессе ведения дневниковых записей, Г. Эфрон отражает на страницах тетрадей личный эмоциональный опыт, который является откликом на определенные жизненные обстоятельства. Ранее эти обстоятельства также были обозначены – арест С. Эфрона и А. Эфрон, творческий кризис М. Цветаевой, отсутствие возможности снять подходящее жилье, начало военных действий на территории СССР, две вынужденные эмиграции, уход матери, самостоятельное существование на территории нового государства, поиск пропитания и уход на фронт. Помимо этого, развиваются обстоятельства психологического, адаптационного характера – попытка стать частью советского общества,

поиск своей национальной идентичности, сложности в обретении полноценного социального коллектива, осознание своего «я».

На страницах дневниковых тетрадей Г. Эфрона выстраивается образ авторского «я», через определенный набор репрезентативов, который включает в себя описание личности во взаимодействии с окружающим миром – соотнесение с другими лицами повествования, осознавая себя, как часть определенного сообщества – семьи, взрослых, сверстников, страны и т.д. В свою очередь, создаваемая Г. Эфроном портретная самохарактеристика, позволяет воссоздать представление о личности автора мемуарного текста более отчетливо, выявляя его мировоззрение, взгляды, вкусы, интересы, черты внешности, мнение по определенным вопросам, которые могут выходить за рамки исключительно его личности.

В анализируемых дневниковых текстах, саморепрезентация является представлением автора о самом себе, в то же время являясь отражением того, как и посредством чего происходит самовыражение авторского «я». Средствами создания репрезентации на материале дневникового текста может стать самохарактеристика, самописание, оценка окружающего пространства и людей, социокультурных явлений, а также соотнесение или противопоставление себя с этим пространством. Стоит отметить, что в создании образа автора, важным будет обозначение и значимых для него топосов, либо мест, которые в той или иной степени будут иметь определенное сентиментальное или духовное значение.

При этом, в обозначенных образах будут важны не только конкретные места – дома, улицы, природа, но и образы людей, которые ассоциируются с этими местами, и которые вызывают определенную реакцию на то или иное место. Таким образом, личностно значимые образы, способствуют раскрытию авторского «я», а также выявлению психологических процессов, которые оказывали влияние на характер саморепрезентаций и формирование личности автора.

Для выявления саморепрезентаций в анализируемом дневниковом тексте, стоит обозначить круг оппозиций, в которых получает развитие авторское «я». Таким образом, в данный круг войдут категории – социальные, групповые, культурно-исторические, имеющие определенное значение для Г. Эфрона, и где его личность получает полноценное развитие.

Стоит коротко обозначить, что анализируемый дневниковый текст принадлежит молодому юноше, который на страницах тетрадей проходит определенную трансформацию – от подростка 14-ти лет, который всецело зависим от семьи, и чья самостоятельность только начинает свое формирование, до взрослого молодого человека 18-ти лет (если опираться только на известные дневниковые тексты), который выстраивает свою жизнь самостоятельно в условиях войны, нехватки средств к существованию, что будет оказывать влияние на ход записей, их направление и на характер выявленных репрезентаций.

2.3.1. Я – взрослые

Первая категория, в которой получает развитие авторское «я» – мир взрослых, с которым Г. Эфрон находился в тесном взаимодействии с раннего детства. Представители старшего поколения составляют основу, оказывающую первостепенное влияние на формирование личности и характер будущих репрезентаций молодого автора. В первую очередь, существование Г. Эфрона осуществлялось в строгой зависимости от происходящего внутри семьи. В то же время, необходимо подчеркнуть, что наравне с семьей, Г. Эфрон взаимодействовал со взрослыми и вне дома – общаясь с представителями писательского окружения матери, друзьями семьи, и уже в Москве – с гостями Дома отдыха, что фактически послужило толчком к познанию мира взрослых. Таким образом, на страницах дневниковых тетрадей Г. Эфрона, автор описывает свое практическое соучастие в событиях, героями которых были представители старшего окружения Г. Эфрона.

Необходимо уточнить, что после возвращения семьи Г. Эфрона в СССР, у автора практически отсутствовала возможность общения со сверстниками, и, как он неоднократно отмечает – не было той самой среды, где он смог бы выстроить отношения с ровесниками (первые месяцы жизни в России автор провел на домашнем обучении из-за слабого здоровья), именно поэтому, основу его существования преимущественно составлял мир взрослых и события его окружающие.

Взаимодействие со взрослыми впоследствии стало одним из факторов, определяющих вектор развития личности автора – влияя на круг интересующих его тем, исторических, социальных и культурных явлений, мировоззрение и самовосприятие. Таким образом, взаимодействуя с миром взрослых, обладая возможностью быть участником бесед, рассуждений, совместных вечеров, автор получает развитие, как персонаж исключительно грамотный в вопросах общественных отношений, военной политики, выстраивающий

зрелые, взвешенные прогнозы относительно проблематики дела отца и сестры, при этом, четко осознавая сложности их с матерью финансового положения, являясь преимущественно наблюдателем происходящих событий, но в то же время, способный фиксировать полученную информацию, анализировать и представлять свой взгляд по определенным вопросам.

Комментируя общение с гостями Дома отдыха – Мирэль Шагинян и Майей Левидовой, автор подчеркивает, что их общество для него несет практический характер – с ними весело проводить время, и они могут дать советы по художественным опытам Г. Эфрона: «...но я рад, что имею знакомых, в частности Мирэль и Майю Левидову. Они “развлекательны”, и приятно с ними проводить время» [Эфрон 2017: 23], – при этом, продолжает автор: «...бесспорно существующие невидимые преграды между ними и мной не мешают сравнительной гармонии наших отношений» [Эфрон 2017: 23]. Из этого следует, что общество старших является комфортным для Г. Эфрона, так как он не ощущает видимых различий между ними, и считает, что подобные связи могут пригодиться в жизни. Характерные интонации можно отметить в отношениях с Иетой Квитко: «...мои дальнейшие знакомства – все девушки: первое мое знакомство в Союзе было в Доме отдыха, здесь, где я познакомился и Иетой Квитко. <...> Она посмотрела мои рисунки, оценила их; потом я зашел к ней в Москве (она художница), и она мне дала бумаги и показала, как нужно обращаться с масляными красками, дала красок и сказала, какие краски нужно купить. Она первая мне активно помогла по художественной части» [Эфрон 2017: 22]. Автор подчеркивает, что он может положиться на жизненный и творческий опыт взрослых, считая общение с представителями старшего поколения – несомненным плюсом в развитии собственной личности.

В дальнейшем, возможность прикоснуться к миру взрослых окажет влияние на характер взаимоотношений с ровесниками, которых Г. Эфрон неоднократно будет обвинять в низком культурном развитии, отмечая, что их интересы не соответствуют возрасту. Так, в результате общения с критиком К. Зелинским, разница в возрасте, с которым составляла около 30-ти лет, – Г. Эфрон в своем дневнике делает следующую запись: «...вчера навестил меня критик Зелинский – он умный человек, с хитрецой. Он был когда-то во Франции – служил в посольстве – знает Париж. Он меня ободрил своим оптимистическим взглядом на будущее – что ж, может, он и прав, что через 10-15 лет мы перегоним капиталистов» [Эфрон 2017: 34], – опираясь в своих размышлениях на сведения, представленные критиком.

Неоднократно автор указывает на двойственность своего «я», в отношениях со старшими товарищами и ровесниками: «...у меня двойная жизнь, двойной облик: ученик 8-го “Б” Эфрон Георгий, получающий “пос” по истории, боящийся физкультуры (или что-то вроде этого), с портфелем и среди простых и веселых товарищей, единица среди единиц, часть массы, ничего не имеет общего с хорошо одетым и изящно обутом молодым человеком, сидящим с Митькой в “Национале” и говорящим по-французски о позиции компартии Франции, о предателе Низане, пускающим анекдоты и смотрящим на женщин, и с молодым “интеллигентным” человеком, с которым наравне говорят писатели о вопросах мировой литературы...» [Эфрон 2017: 191]. Таким образом, автор подчеркивает, что в общении с ровесниками и со взрослыми – ему свойственно менять облик.

В данном фрагменте автор подчеркивает, что связь с людьми определенного творческого круга – практически естественное явление: «вчера гулял с Зелинским, Ермиловым и Наталией Чехидзе. Все удивлялись и восторгались успехами в любви туркмена Султаниазова, который живет в Доме отдыха» [Эфрон 2017: 49]. Тем не менее, необходимо отметить, что автор, будучи человеком заинтересованным в общественной жизни страны, неоднократно писал, что общение с представителями старшего поколения и класса выше его – возможность быть в центре общественных событий, получать доступ к новейшей литературе, переводам, газетам, узнавать подробности тех или иных событий, тем самым, скорее усваивая новые жизненные реалии. Ранее отмеченное высказывание автора о прогулках с писателями, как раз может указывать на желание автора оставаться в центре событий, в частности, чтобы не отставать от ритма жизни столицы.

Во многом Г. Эфрон занимает позицию наблюдателя, являясь косвенным соучастником событий, главными лицами которых оказываются представители мира взрослых: «...вечером пошел с матерью <...> на чтение Пастернаком своего перевода “Гамлета” в Московском госинституте <...> Перевод замечателен – и Пастернак читает его с большим жаром и, конечно, оригинальнейший человек <...> После чтения перевода (какое чтение прошло с огромным успехом) мы (Пастернак, мама, я и его первая жена) “пошли” к этой первой жене, там поужинали, поболтали, потом Борис (Леонидович Пастернак) нас проводил до дома тетки (где мы ночуем). Мать говорит, что Пастернак – лучший наш поэт, а Пастернак говорит, что лучший наш поэт – это мать (Цветаева)» [Эфрон 2017: 55]. Данный фрагмент иллюстрирует косвенное участие Г. Эфрона в беседах, то есть, как он сам подчеркивает, ему вовсе не обязательно быть активным участником разговоров

взрослых, в то же время, занимая позицию слушателя, в дальнейшем, в дневниках автор выстраивает свою точку зрения по вопросам, которые обсуждались в компании взрослых.

Важной фигурой категории «Я – взрослые» является С. Гуревич (Муля) – жених старшей сестры автора – А. Эфрон. Определяя роль Мули в своей жизни, Г. Эфрон обозначает его как «старшего друга», подчеркивая, что «этот человек, друг интимный Али, моей сестры, исключительный человек. Он нам с матерью очень много помогает, и без него я не знаю, что бы мы делали в наши сумрачные моменты» [Эфрон 2017: 20-21]. В то же время, нельзя утверждать, что С. Гуревич выступает в качестве фигуры отца, так как автор четко и неоднократно обозначает их отношения и привязанность, как товарищескую, но в дневниках автор указывает и на воспитательный тон С. Гуревича по отношению к нему: «...я его [Мулю] гораздо больше понимаю, т.е. гораздо лучше могу объективно оценить (взвесить), чем он меня. Хотя я с ним состою в отличных отношениях, он всегда употребляет со мной наедине несколько наставительный тон. Делает он это, конечно, от чистого сердца, но это опять-таки доказывает его ограниченность, потому что он не понимает, что этот наставительный тон и советы никогда на меня не произведут желаемого впечатления. Он хочет, очевидно, как-то меня “оздоровить”, “опростить”, заставить увлекаться “мальчишескими интересами” и т.п.» [Эфрон 2017: 83]. Вместе с тем, автор указывает на очевидные различия между ними, которые он не отмечал ранее, в общении с гостями Дома отдыха: «Муля прекрасно сознает, что я перерос свой возраст и свободно владею мыслью и т.п. Он меня считает лентяем необоснованно: просто у меня было за последние два года слишком много неприятностей, и я теперь не хочу утруждать себя. Вот этого-то влияния моего жизненного процесса на формирование моего характера и моих желаний Муля никак не может учесть и потому приходит относительно меня к абсолютно ложным выводам» [Эфрон 2017: 83]. Из этого следует, что несмотря на очевидные расхождения во взглядах, Муля, как уже было отмечено ранее, выполняет воспитательную функцию, наставляя автора, и советуя, как ему стоит поступать в той или иной ситуации. После эмиграции в Ташкент, С. Гуревич остается практически единственным опекуном Г. Эфрона, высылая ему деньги и заботясь о его состоянии в Москве, через родственников.

Второй том опубликованных дневников Г. Эфрона «Записки парижанина» (2018) – является иллюстрацией того, как меняется вектор отношений в оппозиции «Я – взрослые». Г. Эфрон после смерти матери остается один, его существование до собственного ухода, в большей степени определял вектор, который задавали взрослые, окружавшие его в тот

момент. Фактически, выстраиваемый мир взрослых, основой которого, в первую очередь, была мать (семья) – разрушается, из-за чего Г. Эфрон, оставшись наедине с событиями начала войны, по привычке оглядывается на взрослых, которые опекали его по просьбе матери. Во многом, в первые месяцы самостоятельного существования, автор опирается на взрослое окружение – принимая решения, рассуждая, выбирая круг интересов с оглядкой на взрослых. Через неделю после ухода М. Цветаевой, будучи в Елабуге, Г. Эфрон много времени уделяет рассуждениям о том, стоит ли возвращаться в Москву, с целью возобновить учебу, работу и связь с друзьями, в этой ситуации он вынужден обращаться к решению, которое принимают взрослые для себя и своих семей, с надеждой, что о нем тоже смогут позаботиться: «...авось Асеев устроит как-нибудь мой переезд» [Эфрон 2018: 17], – автор продолжает: «...есть некий Боков, который вместе с Пастернаком провожал нас в Елабугу, – теперь он приехал в Чистополь, чтобы выяснить положение семьи своей, и дня через 2-3 отправляется в Москву. Вот я с ним и думаю поехать. Но дело в том, что, быть может, он возьмет с собой жену и двух детей в Москву – но все равно, ведь нужно с кем-то ехать» [Эфрон 2018: 18]. Автор указывает на страх остаться одному, из-за чего решает обратиться к решениям, принимаемым друзьями матери, пытаясь добиться от них временной опеки.

Из этого следует, что выявленная категория взрослых, на протяжении всей жизни автора является фактически ведущей, задающей определенное направление его жизни – в юности и в самостоятельной жизни, являясь, своего рода, конструктом, оказывающим влияние на его мышление, взгляды, интересы и самовосприятие. Таким образом, можно подчеркнуть, что на страницах своих дневниковых текстов, Г. Эфрон частично мог отождествлять себя с этим обществом, неоднократно отмечая, что со сверстниками ему скучно, в компании же взрослых, его могут выслушать и принять за своего, общаясь на равных.

2.3.2. Я – семья

Обозначенная категория – составляющая оппозиции «Я – взрослые», но из-за специфики этой категории, существует необходимость вынести ее в отдельный пункт. Как уже было упомянуто ранее, семья – основная категория развития личности автора и формирования саморепрезентаций. На страницах своих дневников, Г. Эфрон в меньшей

степени касается отношений с семьей, но, тем не менее, коммуникация с ними – ключ к пониманию специфики саморепрезентаций в дневниковых текстах.

В дневниках Г. Эфрон дает единственное определение своей семье, в целом характеризую ее следующим образом: «...с некоторого времени ощущение, меня доминирующее, стало распад. Распад моральных ценностей, тесно связанный с распадом ценностей материального порядка» [Эфрон 2017: 405], – таким образом, Г. Эфрон определяет обстановку в доме и семью, как некий распадающийся субъект: «...процесс распада всех без исключения моральных ценностей начался у меня по-настоящему еще в детстве, когда я увидел семью в разладе, в ругани, без объединения <...> семьи не было, был ничем не связанный коллектив <...>» [Эфрон 2017: 405]. В представленном фрагменте автор дает метафорическое определение своей семье, подчеркивая, что данная социальная группа является лишь «не связанным коллективом», таким образом, можно выявить причины отказа автора от полноценного изображения семьи в дневниковых текстах. Что интересно, на страницах тетрадей автор изображает каждого члена семьи по-отдельности – описывая мать в тех или иных будничных обстоятельствах, сестру в контексте переписок, отца в рассуждениях на тему его ареста, лишь единожды останавливаясь на его образе в отрыве от обстоятельств дела. Таким образом, в дневниковом повествовании Г. Эфрона, семья выступает в роли разрозненной социальной группы, и именно поэтому, практически не получает развития на страницах дневниковых тетрадей.

Рассматривая более подробно образ семьи, стоит выделить персонаж отца Г. Эфрона – С. Эфрона, который на страницах дневниковых записей автора не получает полноценного развития, фактически являясь эпизодическим персонажем. В создании образа отца, автор, как правило, избегает четких и конкретных описаний – не давая портретных и психологических характеристик, опуская совместные воспоминания о детстве и жизни во Франции. В то же время, образ С. Эфрона и специфика отношений между отцом и сыном выстраивается иначе, более опосредованно – автор обращается к образу отца лишь в контексте его ареста, пытаясь на страницах дневников выстраивать самостоятельные гипотезы относительно его заключения. Таким образом, автор не раскрывает специфику отношений отца и сына, предпочитая вводить отца в повествование лишь как персонажа эпизодического, который практически не имеет прямого отношения к нему.

Комментируя «распад» семьи, автор указывает на его причины, давая характеристику отношений внутри семьи: «...распад был еще в том, что отец и мать оказывали на меня совершенно разные влияния, и вместо того, чтобы им подчиняться, я шел своей дорогой, пробиваясь сквозь педагогические разногласия и идеологический сумбур» [Эфрон 2017: 406], – важно отметить, что под «идеологическим сумбуром» Г. Эфрон понимает воззрения своего отца, который и вдохновил семью на скорый отъезд в СССР: «...коммунистическое влияние отца и его окружающих знакомых – конспираторов “возвращенцев”» [Эфрон 2017: 406], – из-за чего, подчеркивает автор – «понятие семьи – постепенно уходило» [Эфрон 2017: 406]. Таким образом, автор указывает на разногласия родителей в приемах воспитания, называя подход обоих «педагогической разногласицей», отмечая, что возможно именно это оказало влияние на его дальнейшее самовосприятие и трудности с определением своей национальной идентичности.

В отношениях с матерью – М. Цветаевой, автор также подчеркивает, что на их нынешнее существование и его собственное восприятие, оказал влияние уже упомянутый семейный распад, который начался с «разногласий между матерью и сестрой, – сестра переехала жить одна и потом распад семьи усилился с отъездом сестры в СССР» [Эфрон 2017: 406]. В то же время, после переезда семьи в СССР, оставшись вдвоем с матерью, Г. Эфрон неоднократно пишет о том, что его беспокоит ее судьба и благополучие: «...как будет себя там чувствовать мать (на кухне, соседи и т.п.), потому что мне всюду хорошо (или средне)» [Эфрон 2017: 23], – нередко подчеркивая свое сочувствие ее положению: «Я очень жалею мать – она поэт, ей нужно переводить, жить нормальной жизнью, а она портит себе кровь, беспокоится, изнуряет себя в бесплодных усилиях найти комнату, страшится недалекого будущего (переезда)» [Эфрон 2017: 176]. И несмотря на фоновое существование персонажа матери на страницах дневников, автор неоднократно подчеркивает, что ее состояние влияет на его внутренние ощущения: «То, что меня морально закаляет (в конечном счете, конечно), мать ранит – blesse. <...> Мать говорит, что “только повеситься” ... Выхода не видно. <...> мать непрактична, да и что с нее требовать... Главное, я беспокоюсь и горюю за нее» [Эфрон 2017: 176]. Данная линия будет продолжаться и далее, в обстоятельствах переездов, поиска работы и отъезда в Чистополь: «Мать живет в атмосфере самоубийства и все время говорит об этом самоубийстве. Все время плачет и говорит об унижениях, которые ей приходится испытывать <...> Положение ужасное, и мать меня деморализует своим плачем и “бросайте всё”. Мать говорит, все пропадет, я

повешусь и т. п. <...> Мать, по-моему, сошла с ума. <...> Я больше не могу переносить истерики матери. <...> Мать совершенно ужасные вещи говорит. И я не могу. <...> Мать плачет и говорит о самоубийстве» [Эфрон 2017: 181-182], – из-за чего он начинает ощущать аналогичные эмоции, что влияет на восприятие им окружающей обстановки и событий, которые ей сопутствуют.

Необходимо отметить, что Г. Эфрон вводит М. Цветаеву в повествование, как фоновый персонаж, отношения с которым автор раскрывает лишь частично – давая краткие, оценочные характеристики, не раскрывая при этом особенности их совместного прошлого во Франции, выстраивая образ матери, основываясь на ее повседневном существовании – привычках, поведении, круге общения. В то же время, необходимо подчеркнуть, что во втором томе опубликованных дневников, записи которого датированы 1943-м годом, Г. Эфрон практически полностью исключает образ матери из повествования, лишь изредка обращаясь к случайным воспоминаниям, называя мать исключительно по инициалам – «М.И.», предпочитая, как уже было отмечено ранее – дистанцироваться от данного образа в своих текстах.

Вместе с тем, развивая аспект взаимоотношений с сестрой – А. Эфрон, автор также опускает какие-либо конкретные, портретно-психологические характеристики образа, комментируя сам способ общения – письма и темы, которые оба собеседника развивают на страницах переписок. Аспекты переписки автора с сестрой находят отражение на страницах дневника Г. Эфрона, где автор продолжает намеченные в переписках темы, давая более развернутый комментарий по тем или иным вопросам. Несмотря на отсутствие характеристик А. Эфрон, автор выводит особенности их взаимоотношений, иллюстрацией которых является переписка, при этом, в своих записях, Г. Эфрон обозначает свое положительное, трепетное отношение к сестре, отмечая, что он ждет возможности начать переписку скорее, что также не наблюдается в отношении к отцу, рассуждая о котором, автор в принципе не рассматривает возможность обращения к нему в письмах. Таким образом, можно еще раз коротко подчеркнуть, что несмотря на отсутствие полноценной характеристики А. Эфрон, опущение подробностей совместного быта до возвращения в СССР, автор демонстрирует на страницах дневника, в целом, положительные, прочные связи во взаимоотношениях с А. Эфрон.

Наиболее сложной категорией в дневниковой прозе Г. Эфрона является категория семьи, понятие которой автор определяет, как некую разрушающуюся структуру, чье разъединение началось задолго до возвращения в СССР. Из-за чего, отмечает Г. Эфрон, он выбирает идти своим путем, выстраивая собственную жизнь, а именно – мировоззрение, взгляды, суждения, вкусы и предпочтения. Таким образом, на страницах дневника отражая явную дистанцированность от понятия семьи как таковой. Из этого следует, что автор противопоставляет себя семье, указывая на отсутствие целостности этой социальной группы, отмечая, что в ему необходимо «идти своей дорогой» [Эфрон 2017: 406], – не оглядываясь на прошлый опыт семьи.

2.3.3. Я – сверстники

Категория «Я – сверстники» представлена в дневниках Г. Эфрона наравне с ранее выявленными оппозициями взрослого окружения автора. В то же время, автор осознает, что ему необходимо и свое сообщество, где будут люди равные ему, для которых он мог бы стать тем самым «старшим товарищем», которыми для него являются гости Дома отдыха или окружение матери: «...это довольно ненормальное явление: 15-летний молодой человек Советской страны не имеет друзей!» [Эфрон 2017: 231]. Пространство ровесников – одноклассников, друзей вне школы и знакомых, по утверждениям Г. Эфрона – мир неизведанный, чуждый и враждебный, с которым не происходит полноценной коммуникации, несмотря на очевидные точки соприкосновения, и отраженное в повествовании товарищеское общение. На территории школы Г. Эфрон обретает желаемый коллектив, который принимает и воспринимает его, как часть школьного коллектива: «Меня в классе все уважают. Относятся отлично. Я имею в классе известный авторитет. Учеником я считаюсь хорошим. У преподавателей я на хорошем счету» [Эфрон 2017: 214]. Тем не менее, на страницах своих дневников, автор выстраивает тему дружбы, отмечая, что ему необходима компания в СССР – люди, которые также как и он, будут культурно развиты и образованны, с которыми его будут объединять общие интересы: «...мне бы хотелось друга культурного, просвещенного и в то же время вполне советского, который страстно интересуется как СССР, так и мировой политикой, человека умного и веселого» [Эфрон 2017: 59]. В то же время, в качестве причины невозможности дружбы с одноклассниками, автор указывает, что никто не способен понять его настоящую личность: «Вообще-то я первый остряк, первый ухажер, первый культчеловек и т. п. в классе, но никто не знает меня по-настоящему» [Эфрон 2017: 348]. В атмосфере советской школы, Г. Эфрон описывает

свое разочарование, так как, по его мнению, ни один из его одноклассников не может стать для него полноценным товарищем. Важно подчеркнуть, что поиск товарища в школе – это, своего рода, попытка стать частью советского общества, о чем он неоднократно пишет в тетрадях 1940-го – 1941-го года, отмечая, что ему и Мите необходимо разорвать связь с прошлым, отказаться от воспоминаний о Франции, прекратить переговариваться на французском, «воспитать» в себе стиль и манеры советской молодежи, о чем речь пойдет ниже.

В последствии в поисках своего места среди советской молодежи, автор решает разорвать связь с Митей, подчеркивая, что тот еще живет воспоминаниями и не хочет осваивать новую жизнь так, как этого хочет Г. Эфрон. Взаимодействие с советской молодежью, как утверждает Г. Эфрон – ключ к скорой адаптации в СССР, что неоднократно отмечает автор на страницах дневников, подчеркивая, что ему необходим, своего рода «проводник», который «интересуется СССР» [Эфрон 2017: 59]. Помимо желания ассимилироваться в новом обществе, автор развивает тему дружбы и одиночества, как общей проблемы его жизни.

На страницах ташкентских дневников, Г. Эфрон приходит к выводу, что ему так и не удалось обрести полноценную компанию или товарищей, о чем он неоднократно пишет в первых дневниках, таким образом заключая, что единственным его другом был Митя, с которым, по замечаниям автора, их связывает общее прошлое, знание о той Франции, которая уже не вернется к своему прежнему облику (из-за происходящих на тот момент военных переворотов в стране), именно поэтому автор приходит к выводу, что им остается лишь держаться вместе, опираясь на совместный прожитый опыт, в конечном итоге, определяя советскую действительность в целом – как враждебную и чужую.

В попытках разорвать связь с прошлым, Г. Эфрон описывает попытки взаимного культурного обмена между ним и его одноклассниками. Так, в отношениях с товарищем Д. Сикорским, автор пытается «разговаривать» о Франции, дискутируя с ним о национальной литературе, культуре, кинематографе, но, в попытке «познакомить» товарища со своими знаниями, сравнивал друга с Митей, подчеркивая, что тот «дегенерат» [Эфрон 2017: 458], который не способен осознать масштаб и многообразие культуры Франции, обладая лишь поверхностными знаниями о стране: «Он ничего не понимает в литературе, особенно в поэзии. <...> Считает Беранже лучшим французским поэтом. Ромена Роллана – лучшим

прозаиком. <...> Идиот! Я ему прямо сказал, что нечего ему лезть во французскую литературу со своим мнением, когда он языка не знает, не знает ни Бодлера, ни Верлена, ни Валери, ни Маллармэ» [Эфрон 2017: 458]. В попытке «знакомства» коллектива с культурой своего детства, автор сам постепенно завершает эту тему, в некоторой степени, не позволяя кому-либо кроме Мити, «вторгаться» в нее, считая мнение товарищей – неверным, поверхностным и неполноценным.

В попытке освоения советской культуры, Г. Эфрон вместе с Ю. Сербиновым пытается воспитать в себе интерес к футболу – увлечению практически всей московской молодежи: «...я теперь интересуюсь футболом и “болею” как следует» [Эфрон 2017: 358]. В данном фрагменте автор указывает на то, что интерес к спортивному движению – еще одна возможность скорой адаптации, и этому возможно научиться. Тем не менее, на страницах дневника автор подчеркивает, что у него никогда не было выраженной тяги к спортивным занятиям, указывая на слабое здоровье и «руки как у девушки» [Эфрон 2017: 214], что не позволяет Г. Эфрону увлекаться футболом в полной мере, как его товарищи, которые регулярно посещали игры.

В последствии автор делает вывод, что несмотря на полноценное общение, успехи в учебе, совместное времяпрепровождение, он не может стать частью советской молодежи, ощущая «чуждость» на новой и неосвоенной им территории: «...я живу мировой политикой, мировым положением, я живу судьбами Франции и Европы; я сильно переживаю все международные события, пытаюсь объяснить их политическую и диалектическую взаимосвязь» [Эфрон 2017: 336-337], тем самым, автор еще раз подчеркивает различие интересов в коллективе, отмечая, что «их интересы – не мои интересы» [Эфрон 2017: 261], указывая на отсутствие точек соприкосновения и дальнейших возможностей развития дружбы: «Мои же товарищи этим всем очень мало интересуются, живут футболом и очередной плохой отметкой – они малокультурны, увлекаются пустяками, чушью» [Эфрон 2017: 336-337], – автор еще раз указывает на то, что он сделал шаг навстречу своим товарищам в попытке стать «своим» на территории школы: «...я живо интересуюсь всеми явлениями, затрагивающими класс и школу» [Эфрон 2017: 228]. В то же время, в дневниковых текстах Г. Эфрона нет прямых указаний на то, что его не принимают в коллектив, на что также указывали современники и исследователи жизни и творчества семьи. Необходимо подчеркнуть, что Г. Эфрон самостоятельно выстраивает некий «барьер» между ним и его новым сообществом, так как очевидных разногласий в своих тетрадях он

не озвучивает, фокусируясь лишь на своих внутренних ощущениях, – из-за несовпадения интересов, необразованности класса, ему тяжело выстраивать с ними отношения, при этом, автор озвучивает свое нежелание общаться с людьми, которые не будут соответствовать его требованиям.

Таким образом, в категории «Я – сверстники» автор выстраивает сложную модель взаимоотношений с ровесниками, где в первую очередь он хочет стать частью коллектива советской молодежи, для чего скорее старается «войти» в их общество. При этом, ему важно обрести и полноценных друзей, которые, как он отмечает, стали бы ему настоящими товарищами, о чем он неоднократно рассуждает в попытках осознания своего одиночества. В отношениях с ровесниками, авторская репрезентация проявляется в попытке отождествления в первую очередь, после чего, в четком противопоставлении и дистанцировании от коллектива. В отношении близкого друга – Мити, автор четко определяет, что их связь невозможна из-за желания автора адаптироваться, тем самым, противопоставляя себя Мите, и впоследствии Митю своим новым товарищам.

2.3.4. Я – женщины

Обращение к образам женщин – одна из составляющих дневникового повествования Г. Эфрона. В описании взаимоотношений с противоположным полом, автор, как правило, в большей степени сосредотачивается на самоописании, выстраивая свой портрет и отмечая психологические характеристики, с целью определить, может ли он быть интересен для женщин как человек и как мужчина.

В первом томе опубликованных дневников, Г. Эфрон преимущественно занимает позицию наблюдателя, фиксируя свои наблюдения об обитательницах Дома отдыха. В то же время, как уже было отмечено ранее, автор фиксирует и особенности их общения, что также служит «материалом» к пониманию своего «я» в отношениях с женщинами. На страницах дневниковых тетрадей автор подчеркивает, что женщина – это, прежде всего – объект не столько романтического интереса, сколько личностного. В создании образов собеседниц, автор выявляет их человеческие характеристики – какими они могут быть друзьями, соответствует ли их интеллектуальное развитие его требованиям, насколько развито их культурное чутье, сравнивая советских и французских женщин: «Тот факт, что в СССР я сблизился, абсолютно не по моей воле, только с девушками, хорошо предзнаменует мою деятельность в этом смысле» [Эфрон 2017: 32]. При этом, в контексте

взаимоотношений с противоположным полом, Г. Эфрон затрагивает и более глубокие темы, рассуждая о менталитете, поведении и интересах представительниц СССР и Франции: «Интересно, где лучше женщины умеют любить: здесь или в Париже. Конечно, смотря какая женщина – есть с темпераментом, а есть тряпки в этом смысле» [Эфрон 2017: 32], указывая на интерес к женщинам, как к личностям, и затем, как к объектам романтического интереса, подчеркивая, что «у меня – огромная тяга к красивым женщинам и хороший неиспользованный запас чувственности <...>» [Эфрон 2017: 32]. Тем не менее, в попытке осознать себя, как объект потенциально интересный для противоположного пола, автор нередко рассуждает о своем скором взрослении, несоответствии общепринятым «нормам» развития юноши 15-ти лет, подчеркивая, что ему нельзя отставать от старшего товарища Мити (на тот момент ему уже исполнилось 18) и из-за этого – скорее заводить отношения с женщиной: «хочу, страстно хочу знать: будет ли 15 лет – “холостым возрастом”? – А все-таки достать себе девушку необходимо. Как я буду горд, когда я с ней буду ходить! И, укрывшись от чужих взоров, мы будем целоваться!» [Эфрон 2017: 47]. При этом, уточняет автор, важной составляющей этой связи является установление дружеских отношений: «...интересно все-таки, в каком возрасте я себе достану девушку (хоть гулять с ней и общаться, и то хлеб, а дальше увидим), в 15, 16, 17 лет?» [Эфрон 2017: 48]. Впоследствии в общении с девушками, автор неоднократно будет отмечать, что ему важно их интеллектуальное и культурное развитие, от чего и будет зависеть их дальнейшее общение, таким образом, Г. Эфрон, как и в общении с товарищами из класса – в первую очередь выделяет человеческие качества и образованность собеседника, основываясь на этом, выстраивает или разрывает общение.

В создании женских образов Г. Эфрон также проходит своеобразную трансформацию – так, образ М. Левидовой, которая ранее помогала автору в его художественных начинаниях, изображаясь автором исключительно, как объект «развлекательный», после чего, в ходе тесного общения, автор указывает на свою романтическую заинтересованность в ней, отмечая, что женщина старше – лучше, чем ровесница, у которой еще нет определенного жизненного опыта: «...нужно встретиться с Майей Левидовой – она хорошенькая, и, даже если мне не суждено быть с ней в интимных отношениях, все же нужно ее повидать, она как-то меня наполняет свежим воздухом, черт возьми» [Эфрон 2017: 48]. Развивая взаимоотношения с девушкой из школы, первым взаимным романтическим интересом – Валей Передатько, автор реализует ту модель, о которой уже было упомянуто

ранее – развивая историю их отношений, он отмечает, что в их дружбе ему необходимо, чтобы они оба развивались интеллектуально, дополняя друг друга, иначе, по его мнению, общение невозможно. Аналогичные тенденции были отмечены и ранее, в отношениях автора с одноклассниками. При этом, в отношениях с противоположным полом, характерной чертой данных записей стало более внимательное отношение автора к своему «я» – автор рассматривает особенности своей внешности, стиля, интересы, как бы со стороны, в контексте потенциального интереса для женщин.

Категория «Я – женщины» позволяет выявить иные, ранее не раскрывавшиеся способы авторской саморепрезентации, так как мир женщин, возможность общения с ними на равных – новая, неизведанная сфера, в которой получает развитие авторское «я» Г. Эфрона.

2.3.5. Я – Россия

Развивая на страницах своих дневников оппозицию «Я – Россия», Г. Эфрон, как правило, рассматривает и анализирует конкретные локусы – Голицыно и Москвы.

Для повествования Г. Эфрона характерно выстраивание параллелей между местами обитания (его семьи в том числе, на тот момент – неотъемлемой части повседневного существования), сравнивая их, и в некоторой степени пытаясь соотнести свое внутреннее состояние с тем, что представляет из себя конкретное пространство.

Комментируя представленный выше тезис, можно отметить, что во время жизни в Голицыно, автор определяет это место, как временный пункт обитания, возможность постепенной адаптации, в то же время, именно в рамках данного пространства случаются ключевые знакомства и события, во многом определяющие дальнейшее существование автора и оказывающие определенное влияние на характер его репрезентаций. В пространстве Голицыно автор знакомится с представителями культурной жизни страны, как уже было отмечено ранее – фактически становясь полноценной, принимаемой частью этого сообщества. Таким образом, данные события оказывают влияние на то, как в дальнейшем автор выстраивает свои отношения с представителями других социальных групп – в том числе с ровесниками, которых автор отказывается «принимать» в свое общество из-за расхожести интересов и интеллектуального развития. В то же время, пространство Голицыно ассоциируется у Г. Эфрона с состоянием временного застоя: «Живу

действительно каждодневно, каждочасно и каждоминутно» [Эфрон 2017: 19], ожиданием окончания дела: «Все дело в этом, и пока оно не кончится, все будет идти как-то криво» [Эфрон 2017: 19], и невозможностью двигаться дальше, принимать какие-либо решения, из-за чего, временное место жительства воспринимается автором несколько враждебно, на что также оказывают влияние и конфликты с хозяйкой комнаты, где жил автор и его мать. Важно подчеркнуть, что Голицыно не воспринимается автором как дом, как их с матерью местообитания, сам Г. Эфрон называет это место лишь «Домом», намерено включая данное понятие в кавычки, подчеркивая, что пока они там находятся – нет движения, нет ощущения жизни, и, следовательно, не может быть ощущения полноценного дома, куда стремилась семья. Неоднократно автор отмечает, что его существование в рамках пространства Подмосковья – это лишь ожидание: «Впрочем, будем ждать: ждать доктора, ждать выздоровления, ждать освобождения папы и Али, ждать, ждать, ждать...» [Эфрон 2017: 25] и ощущение скуки: «...скучища <...> скучища спокойная – без перемен» [Эфрон 2017: 37].

Аналогичное состояние сопровождает автора в период его эвакуации в Ташкенте, пространство которого также воспринимается Г. Эфроном, как место своеобразного застоя, стагнации и невозможности двигаться вперед, осуществлять задуманные цели. Но, в сложившейся обстановке – это место, которое теперь, в первую очередь, ассоциируется с голодом и попыткой остаться на плаву: «Голод, да и только! Все время сверлят и мучат мысли о еде. Хочется есть, а денег нет; вот и вся постановка проблемы. Есть хочется просто-напросто целый божий день» [Эфрон 2018: 125]. При этом, несмотря на то что автор детально восстанавливает особенности быта столицы средней Азии, пространство города им практически не воспринимается, он не дает ему четкой характеристики, ассоциируя свое нынешнее положение лишь с голодом и ожиданием.

В Подмосковье Г. Эфрон нередко сравнивает Париж и Голицыно, подчеркивая, что нынешняя жизнь – скучна, и не похожа на ту, что была у него ранее: «...скучно – нет настоящих товарищей, и свободное время нечем заполнить» [Эфрон 2017: 46]. В Париже, напротив «...вопрос о заполнении свободного времени не ставился: выйдешь на улицу, смотришь прохожих, витрины, кино и купаешься в городской атмосфере» [Эфрон 2017: 46]. Ранее, автор также указывал на невозможность передвигаться в пределах Голицыно, отсутствие как таковых возможностей для развлечений, из-за чего автор обращается к единственной возможной опции – общаться с окружающими: «А здесь уже приходится ставить вопрос об общении с людьми (раз нет спасительных улиц) <...>» [Эфрон 2017: 46].

Впоследствии автор неоднократно указывает на то, что чтобы ощущать течение жизни, свою полноценность, ему необходимо движение самого города. Именно поэтому, как уже было отмечено ранее – из Голицыно он хочет вернуться в Париж, из Ташкента – в Москву, так как пространства столиц – это места движения, центры пересечения культур и возможностей развития для молодежи.

В свою очередь, пространство Москвы – это место возможностей, центр всего советского пространства, с которым автор, по его утверждениям, охотно знакомится, уточняя, что «<...> Москва – это желанные улицы, и разглядывание прохожих, это кино и театры, это парки и атмосфера большого города, которую я так люблю и в которой я поистине чувствую себя как рыба в воде» [Эфрон 2017: 47], – в некоторой степени можно утверждать, что Москва является тем пространством, которое близко по своей атмосфере Парижу, на что неоднократно указывает автор. Дневники 1940-го – 1941-го года являются отражением привязанности и интереса автора к Москве, несмотря на некоторый «враждебный» характер города, который никак не принимал автора и его семью – о чем говорят бесконечные поиски жилья, невозможность матери найти работу, противостояние с соседями, неудачные попытки поступить в желаемые школы. Столица для Г. Эфрона – возможности к развитию и движение, то, что привлекало его в Париже и что напоминает автору о городе детства. Покинув город, автор неоднократно пишет о том, что он хочет уехать обратно, подчеркивая, что эвакуация для него – это путь в никуда и невозможность достигать цели, стать человеком: «Как я любил Москву, свою комнату, покой, несмотря на бомбежки!» [Эфрон 2018: 64], – таким образом, автор отождествляет себя с пространством Москвы, подчеркивая, что отъезд – бесцельное существование, разлука с друзьями, очередной застой, в то же время, отдаленность от столицы – это потери и практического толка, отмечает в дневниках Г. Эфрон – невозможность читать новую литературу, получать столичные газеты, узнавать последние новости от проверенных лиц из близкого окружения матери, в то же время, есть страх отстать от своих друзей – Вали и Мити, которые остаются в городе.

Таким образом, пространства России, в частности конкретные локусы – Голицыно, Москвы выступают, как места, с которыми автор отождествляет себя или наоборот, противопоставляет в зависимости от сопутствующих событий.

2.3.6. Я – СССР

В рамках категории «Я – СССР» осуществляется процесс поиска и осознания Г. Эфроном своей национальной идентичности. Ранее, в первой главе, уже было отмечено, что вопрос принадлежности к определенному государству, национальность, как таковая – аспект, который беспокоил автора еще с раннего детства.

На протяжении четырех лет ведения дневника, Г. Эфрон многократно возвращается к вопросу своего происхождения, подчеркивая, что осознание себя и своей национальной идентичности – тема, которая накладывает след на его положение в обществе и дальнейшее прибывание на территории СССР. В то же время, автор уточняет, что зачастую, вопрос его происхождения поднимает само общество – одноклассники, товарищи из школы, которые, по мнению автора, воспринимают его исключительно как иностранца. В своих первых тетрадях, датированных 1940-м годом, автор четко определяет свою принадлежность к СССР, называя себя «советским человеком», и в военных сводках четко отождествляя себя с государством: «...фашистская Европа <...> пойдет против нас. Мы эту Европу раздолбаем <...>» [Эфрон 2017: 101], – свое отношение, причастность к советскому обществу, судьбе страны в целом, автор отмечает местоимением «мы». Впоследствии данная тенденция постепенно уйдет из повествования, на что будут влиять сопутствующие события – отношения в обществе, восприятие автора и его семьи обществом, обстановка внутри семьи, события культурного и исторического порядка.

После возвращения Г. Эфрона и его семьи в СССР, – автор обращается к цели скорее стать «своим» на родине родителей. Ранее уже было отмечено, что на протяжении всей жизни во Франции, М. Цветаева и С. Эфрон неоднократно пытались «воспитать» в сыне любовь к государству, которое он знал лишь косвенно, подчеркивая, что Франция – временное, бесперспективное обстоятельство, и здесь он не сможет стать «своим», несмотря на полноценное французское взросление (школа, окружение, культурное и интеллектуальное развитие). Для Г. Эфрона родители видели исключительно советское будущее, и в рамках своего дневника, автор проходит полноценный путь от желания стать частью СССР, до полного отторжения этой идеи, к осознанию своей идентичности, как французской и цели вернуться в Париж.

Первые два года жизни в СССР – Г. Эфрон придерживался заданной цели, описывая в дневниках свои надежды на советское государство: «...по правде сказать, отъезд в СССР

имел для меня очень большой характер, большое значение» [Эфрон 2017: 408]. Автор акцентирует внимание на том, что СССР – место, которое может наконец-то решить вопрос национальной принадлежности, ведь фактически он оказался в месте, которое родители называли его родиной и местом осуществления жизненных стремлений. В своем повествовании Г. Эфрон четко дает понять, что переезд – верное решение, так как Франция не смогла принять его за «своего», одноклассники неоднократно давали понять, что он на их территории «чужой»: «Я сильно надеялся наконец отыскать в СССР среду устойчивую, незыбкие идеалы, крепких друзей, жизнь интенсивную и насыщенную содержанием» [Эфрон 2017: 408]. С течением времени, образ государства, которое может стать, своего рода, почвой для осуществления мечты – разрушается, и уже позднее, в дневниковых текстах 1943-го года, находясь в эвакуации в Ташкенте, Г. Эфрон подводит итог жизни в СССР, возвращаясь к мыслям о Франции, уточняя, что внутренне ощущает себя французом, и несмотря на происхождение и родословную – страна, в которой произошло взросление и воспитание личности – является местом, которое можно назвать домом и в котором есть шансы на развитие.

Необходимо отметить, что в своем «отказе» от стремления стать частью советского общества, Г. Эфрон отстраняется от государства в целом, дистанцируясь от успехов советской армии. На страницах ташкентских дневников Г. Эфрон продолжает вести военную хронику, но воспринимая результаты СССР, как достижения большого и сильного государства, но не «нашей» страны, что было характерно для записей 1940-го – 1941-го года. В дальнейшем, на страницах заключительных дневников, Г. Эфрон обращается к советской армии исключительно как к «Red Army». Вместе с тем, на отстранение автора от СССР оказали влияние факторы практического и бытового толка – ранее уже было прокомментировано, что тетради периода эвакуации в Ташкент по своему характеру отличны от первых тетрадей автора. В дневниках 1943-го года автор отходит от ранее актуальных в повествовании тем, на первый план выдвигая проблему поиска денег и пропитания, из-за чего военная сводка, как неотъемлемая составляющая повествования – уходит на последний план.

В попытке осознания своей национальной идентичности, Г. Эфрон нередко сравнивает СССР и Францию, отмечая одну общую черту – невозможность полноценной интеграции на территории государства, с которым связаны ключевые события из жизни. В дневниках 1941-го года Г. Эфрон пишет, что для советского общества, для своих товарищей, он всегда

будет восприниматься как иностранец: «я <...> боюсь никогда не быть русским человеком, что всегда на мне будет лежать клеймо Запада, и что хотя я стараюсь наиболее полно приспособиться к советским условиям, все-таки все во мне видят “мусье” и “хранцуза”, говорят, что во мне нет ни капли русского духа, что я на русского не похож и т.п.» [Эфрон 2017: 291]. Далее, автор указывает, что несмотря на старания быть советским человеком, его выдает и внешность: «...очевидно, роль играет то, что я наружно совсем не похож на русского человека – скорее англичанин, немец или поляк – а во-вторых то, что я свободно говорю и пишу по-французски, и приехал сравнительно недавно из-за границы, и жил там долго, и никогда не был раньше в СССР» [Эфрон 2017: 291]. Тем не менее, и это было прокомментировано ранее – Г. Эфрона принимают одноклассники, с ними происходит полноценное, товарищеское общение, но он ощущает разницу между ним и классом: «Меня в классе отнюдь не считают чужаком, но все-таки отмечают разницу между мной и другими. Но я люблю школу, несмотря на то, что ко мне относятся немножечко как к какому-нибудь гибриду из зоопарка» [Эфрон 2017: 291]. Необходимо коротко подчеркнуть, что на страницах дневников автор не дает точных свидетельств своим словам, самостоятельно выстраивая возможное мнение товарищей о нем.

В завершение дневникового повествования, автор отражает на страницах тетрадей свою разочарованность в советском обществе, в коммунистических идеях государства. Таким образом, записи осени 1941-го года являются отражением отказа автора от цели стать советским человеком, а «раздвоенность», о которой ранее говорили исследователи и биографы – постепенно сходит на нет уже в дневниках ташкентского периода 1943-го года, возвращая автора к размышлениям о Франции.

2.3.7. Я – Франция

Развивая на страницах дневников тему Франции, Г. Эфрон проходит тот же путь, что был отражен в его отношениях СССР. Для первых дневниковых тетрадей Г. Эфрона, датируемых 1940-м – 1941-м годом, характерен отказ от своей французской идентичности, автор аргументирует это исходом политических событий и позицией Франции на военном поле: «Франция, в сущности, кончилась с нашим отъездом оттуда» [Эфрон 2017: 43], – пишет автор в апреле 1940-го года, анализируя положение страны; еще через месяц – в мае, подчеркивая свою «причастность» в этом государстве, сочувствие и сожаление о том, что происходит на данный момент: «...я Францию люблю как страну, Париж и народ, но я

прекрасно вижу, что исторически она в данное время “кончена” <...>» [Эфрон 2017: 66]. Сложность данной оппозиции, в отличие от взаимоотношений с СССР, заключается в том, что автор систематически меняет свое мнение о Франции его детства. На характер этих изменений, как и в отношениях с СССР, будут влиять военные и политические события, влияние родительского голоса, сложные отношения с ровесниками парижских школ, невозможность стать частью французского общества. Ранее уже было отмечено, на что также указывают составители издания – чем дольше Г. Эфрон находился на территории СССР, тем сильнее ощущает свое разочарование от страны в целом, и от людей, ее населяющих. В отношениях с Францией – автор, наоборот, покидает страну разочаровавшись, подчеркивая ее враждебность по отношению к нему впоследствии возвращаясь к мыслям об отъезде.

В попытках выстроить свое окончательное мнение в отношении Франции, автор размышляет и анализирует на страницах дневника сторонние источники – радиоканалы СМИ, печатную прессу, цитируя слова «достоверных источников», вращавшихся в определенных политических кругах: «...статья Пьера Николя, помещенная в последнем номере “Интернациональной литературы”, вполне правильна <...> французская культура была гнила! Да, мы этой гнилью питались <...>» [Эфрон 2017: 234], – таким образом, автор формирует свое мнение, ища «подтверждения» словам родителей или своим размышлениям в пользу отказа от связи с Францией.

В дневниках 1943-го года, через два года после описываемых событий, Г. Эфрон, разочаровавшись в советском обществе, о чем речь шла выше, меняет свое отношение к Франции, воспринимая ее как «сторону» пострадавшую в военном конфликте, возвращаясь к мыслям о возвращении в Париж. Автору свойственно обращаться к воспоминаниям о ссорах с Митей, предметом которых стала верность Мити французскому государству, его частичный отказ от соответствия советскому обществу. В разговорах с Митей, Г. Эфрон призывал друга отказаться от прошлого, в пользу настоящего, взяв у Франции все то хорошее, что она могла предоставить им за время жизни: «<...> юмор, любовь к хорошему вкусу, чувство иронии, веселость <...>» [Эфрон 2017: 223]. Таким образом, подчеркивая свою еще частичную причастность к Франции их детства.

Париж, где прошло детство автора, по его собственным замечаниям – это беззаботная жизнь, которая завершилась с отъездом в СССР [Эфрон 2017: 277], – после чего, Г. Эфрон

обращается к ностальгии и воспоминаниям, включая в повествование образ отца: «...в моей жизни были минуты счастья, и не минуты, а вообще моменты: во-первых, купание на юге Франции, у Тулона, в местечке Favieres – какая природа была там! Во-вторых, когда папаша сюрпризом мне объявил, что сегодня же вечером, неожиданно, мы уезжаем в Савою, в Thonon-les-Bains <...>» [Эфрон 2017: 305]. После эмиграции в Ташкент, Г. Эфрон, существуя вне родительского надзора, без возможности общения с Митей, впервые обращается к воспоминаниям о Франции своего детства, давая подробный взгляд на французскую культуру, ключевые фигуры французской литературы, указывая на ее явное превосходство на фоне других (автор выдерживает данную особенность на протяжении всего повествования, рассматривая культурные явления вне исторической и политической обстановки страны): «<...> в литературе я остаюсь франкофилом и считаю, что французы пишут лучше и умнее всех» [Эфрон 2018: 178], – впоследствии находясь в Ташкенте, автор подчеркивает, что французская литература для него – пища или возможность забыть о существующих жизненных трудностях: «самое сильное желание мое, за исполнение которого я отдал бы все: перечесть <...> Сартра» [Эфрон 2018: 171]. В дневниковых текстах 1941-го года, автор окончательно выводит определение своей идентичности: «...я русский по происхождению и француз по детству и образованию» [Эфрон 2017: 337], в то же время уточняя, что «физически у меня тип абсолютно не русский и совсем не французский, скорее, немецко-английский» [Эфрон 2017: 337]. Тем не менее, несмотря на четкое определение принадлежности своего национального «я», Г. Эфрон не может отказаться полностью от своей советской жизни, воспринимая государство в целом, как возможность для роста, временный пункт обитания перед возвращением на «родину», вследствие чего, описывая свое желание отправиться в Москву, так как именно Москва отдаленно напоминает Париж. Таким образом, Г. Эфрон подчеркивает, что происхождение (место рождения, родословная) может не играть никакой роли в формировании национальной идентичности, ровно как и навязывание некой «национальности», которую близким хотелось бы видеть в их ребенке, с чем Г. Эфрон и боролся в своих дневниках – возможно ошибочно, из-за влияния окружения, стараясь причислить себя к СССР, несмотря на то, что он не имел к нему прямого отношения, и его образованность, «знание» страны было привито ему родителями, которые вынашивали идею возвращения на историческую родину, опасаясь, что их сын может слишком проникнуться и привязаться к Франции. Несмотря на полноценное «владение» русской культурой, свободный русский язык, повышенный интерес к русской и

советской литературе (как он сам отмечал – он гораздо больше был осведомлен о ней, нежели его сверстники и одноклассники), представляя человека, чье русское самосознание очень развито.

Стоит еще раз коротко обозначить тезис, приведенный исследователем С. Беляковым в его статье «Парижский мальчик Георгий Эфрон», где тот проводит параллели между Г. Эфроном и его сестрой А. Эфрон, которая за свою жизнь пережила две эмиграции за пределы России, и возвращение на родину. Важно подчеркнуть, что родившись в России, получив там первичное воспитание, А. Эфрон в 1939-м году возвращается к себе на родину, не изменившись внутренне, несмотря на тот же опыт эмиграции, что и у ее брата. Г. Эфрон был рожден и воспитан на Западе, поэтому, несмотря на явное влияние взрослых, и это хорошо иллюстрируют дневники – старался стать «своим» на исторической родине своей семьи, при этом понимая, что его полноценной родиной остается Франция.

Таким образом, автор проходит путь от полноценного внутреннего отождествления своего «я» с советским настоящим и будущим, до противопоставления себя советскому государству и обществу в целом, подчеркивая свое иностранное происхождение, что по его определению, не дает возможности стать «своим». Аналогичное преобразование осуществляется автором и в отношениях с Францией – где Г. Эфрон противопоставляет себя «гнилому» французскому государству, в попытке скорее стать частью СССР, впоследствии разочаровавшись в своих идеалах и полноценно отождествляя себя с Францией.

2.3.8. Я – свидетель и участник исторических событий

В первой главе магистерского исследования уже было обозначено, что на страницах дневников Г. Эфрона, автор фиксирует события не только частной жизни, но и обращается к событиям более широкого спектра – фиксируя аспекты, касающиеся истории, мировой политики, военного положения мировых государств. В первые годы пребывания в СССР, дневниковые тексты включали в себя обширную военную сводку, прогнозы и аналитику, касающуюся обстановки на мировом фронте.

Источниками информации для Г. Эфрона выступали радиоканалы (радиоприемник – возможность настраивать как советские, так и международные станции, автор, владея английским и французским мог получать альтернативную информацию, таким образом представляя разные точки зрения на страницах своих тетрадей), газеты, и сторонние

источники в виде близкого окружения семьи, которые также могли добывать недоступную информацию от своих информантов. В своем повествовании автор подчеркивает, как ему важно ежедневно получать информацию о происходящем: «...посмотрю “Правду”, чтобы прочитать сводку №1 и речь Черчилля (очень-очень важно)» [Эфрон 2017: 377]. В моменты отсутствия доступа к новостям, автор полагается на информацию, которой обладает близкое окружение семьи, гости Дома отдыха или другие источники. Но именно опираясь на полученные данные, автор выстраивает аналитические прогнозы на страницах дневниковых записей.

Стоит отметить, что Г. Эфрон на страницах своего дневника стремится охватить как можно больше событий, происходящих на мировом уровне – так, с равным интересом Г. Эфрон описывает падение Парижа в 1940-м году, введение режима «Виши», деятельность маршала Анри Петена, противостояние Греции и Италии в 1940-м – 1941-м году, начало нападений на Советские границы в июне 1941-го года и т.д. В дневниках мая 1941-го года, автор дает следующее объяснение своему увлечению: «Я живу мировой политикой, мировым положением, я живу судьбами Франции и Европы; я сильно переживаю все международные события, пытаюсь объяснить их политическую и диалектическую взаимосвязь» [Эфрон 2017: 336]. В то же время, интерес к историческим событиям обусловлен не только, как одно из увлечений автора, но и как события, которые касаются его жизни напрямую – таким образом, автор еще раз показывает свою причастность, заинтересованность судьбой Франции: летом 1940-го года, Г. Эфрон встречает известие о заключении мира между французами и немцами, при этом комментируя действия маршала Де Голля, называя его «дураком» [Эфрон 2017: 99]. Отмечая, что Франция была втянута в войну Англичанами: «Больше всего меня бесит глупое, мерзкое и в то же время традиционное лицемерие англичан, которые втянули Францию в войну, минимально ей помогли, покинули ее армии в Дюнкерке, а теперь, видите ли, разрывают с французским правительством отношения, потому что Франция не может продолжать войну <...> » [Эфрон 2017: 98]. В то же время, важно подчеркнуть, что во время начала боевых действий на территории Москвы, автор воспринимает их практически нейтрально, описывая свой страх покинуть город и оставить близких.

Таким образом, выстраивая аналитические прогнозы, автор являлся свидетелем ключевых событий на мировом и советском фронте, подчеркивая свой интерес и свое косвенное соучастие в описываемых событиях.

2.3.9. Я – читатель

Одно из главных увлечений Г. Эфрона помимо мировой политики – чтение и литература, интерес к которой автор развивает на протяжении всего дневникового повествования, подчеркивая, что данное хобби «...это значительная часть моего духовного богатства» [Эфрон 2017: 51], – что позволяет развиваться интеллектуально, расширяя кругозор и знания о жизни; культурно и духовно – обращаясь к чтению, как к ритуальной составляющей каждого дня; и, помимо этого – ключ к тому, чтобы быть вхожим в определенное закрытое сообщество. Именно поэтому, автор легко входит в круг представителей культурной жизни города, которые на тот момент проводили время в Доме отдыха. Гостями, в свою очередь, были критики, литераторы, писатели, поэты и авторы песен – таким образом, литературная и общая культурная образованность, открывала для Г. Эфрона доступ в конкретную социальную группу.

Стоит отметить, что в вопросе литературы, Г. Эфрону не свойственен такой же аналитический подход к книжным произведениям, как в случае с военной сводкой, к которой автор подходит основательно, внимательно изучая материалы, затем представляя свое видение в тетрадах. Помимо художественной литературы, интересом автора также являлись и разнообразные журналы, которые привозили в Библиотеку иностранных языков – там, Г. Эфрон и Митя получали возможность прочитать юмористические французские журналы, журнал детской направленности – Mickey Mouse Weekly, и другие. Что интересно, несмотря на не по возрасту развитый интерес к литературе, Г. Эфрон обращался и к текстам, которые были направлены на более младшую аудиторию, таким образом, продолжая развивать свой литературный и книжный кругозор. Важно коротко подчеркнуть, что европейские журналы впоследствии стали основой в карикатурном творчестве Г. Эфрона – создаваемые им персонажи обладали определенным сходством с персонажами журналов.

На страницах дневников, автор, как правило, дает краткий комментарий прочитанному материалу, развивая актуальные и усвоенные вопросы на страницах дневника, в отрыве от произведения. Например, в случае прочтения Г. Эфроном романа Стендаля «О любви», автор фиксирует короткий отзыв на прочитанное: «прочел “О любви” Стендаля. Книга холодная, умная, но в какой-то мере документальная, утратившая (по крайней мере, в СССР) часть своей актуальности. Написана эта книга хотя и порой блестяще, но чересчур (по моему) <...>» [Эфрон 2017: 61], – аналогичным образом автор выстраивает свой

комментарий и к другим произведениям – зарубежным и советским. Далее, автор продолжает отзыв о книге, но углубляясь в проблематику произведения: «...когда пишешь о женщинах, нельзя так холодно писать (конечно, все это размышления 15-летнего человека, так что...). В этой книге отсутствует восхищение перед физическими качествами женщин, перед этими сокровищами – это также плохо <...>» [Эфрон 2017: 61], – таким образом, Г. Эфрон предпочитает выстраивать свой «анализ», развивая актуальные вопросы, затронутые автором книги, уже в отрыве от самого произведения: «К любви эта книга относится слишком серьезно, “научно”, сухо. Все-таки слишком мало иронии над самим собой (т.е. над влюбленным), мало передается желание близости с женщиной, как источник незабываемых минут и, наконец, слишком много романтизма. СССР – страна без романтизма, оттого читать “О любви” – довольно парадоксально чувствуешь себя. Мне кажется, что сейчас любят гораздо проще, вот и все» [Эфрон 2017: 61].

Испытывая потребность к регулярному чтению и получению новой литературы, автор зачастую много времени проводил за поиском доступа к еще не освоенным книгам, фиксируя попытки записаться в библиотеки и читальные залы: «...когда переедем в “Сокольники”, непременно запишусь в библиотеку иностранных языков – если удастся и если пропустят (мне еще нет 16-ти лет, но я надеюсь, что мой большой рост сыграет здесь свою роль)» [Эфрон 2017: 63]. Стоит отметить, что библиотека для Г. Эфрона – еще и возможность получать свежие военные сводки – журналы и газеты 40-х публиковали речи советских и европейских политических деятелей, что также автор отмечает на страницах дневника. Таким образом, Г. Эфрону удавалось продолжать хронологическую сводку военных событий без существенных временных лагун и выстраивать полноценные прогнозы.

Ранее уже было отмечено, что наиболее полно свои литературные предпочтения автор раскрывает в эпистолярных текстах – в переписке с реальным собеседником, выстраивая анализ произведения, опираясь и на точку зрения, которую представляет адресат. Интерес для Г. Эфрона, как для читателя, преимущественно представляет французская и русская литература – автор обращается к произведениям Валери, Малларме, Бодлера, в то же время читая произведения Достоевского, Толстого и Чехова, давая краткий отзыв на каждое усвоенное произведение, тем самым, создавая, своего рода, хронику прочитанного материала.

Дневники ташкентского периода еще раз указывают на то, что книга для автора – «пища», которая стала своеобразным замещением пищи физической, давая возможность отвлечься и погрузиться в мир, создаваемый литературными авторами. Отправляясь в эвакуацию, Г. Эфрон рассуждает о том, что не сможет забрать все свои книги, делая выбор в пользу Корнеля, Расина, Дос-Пассоса, Арагона и Жида. Находясь в Ташкенте, автор продолжает посещение букинистических магазинов и библиотек в поисках книг, которыми он уже когда-то обладал, но был вынужден оставить в Москве и уже потом в Чистополе. Впоследствии уже на страницах писем к старшей сестре, автор пишет: «Я каждый день хожу в букинистический магазин в Ташкенте. Я, конечно, не думаю найти там эти книги, но если я думаю о чуде, то именно и всегда в отношении этих книг» [Эфрон 2018: 378]. Здесь и далее автор указывает на то, что сейчас фактически единственной возможностью оставаться на плаву – все еще являются книги, причем книги французских авторов, которые образуют связующую нить с прошлым Г. Эфрона: «Недавно мне приснилось, что я перечитываю “Тошноту”, причем все происходило как наяву: я читаю, причем “узнаю” вновь начало каждой главы, читаю, радостно проникаясь ощущением, что я вновь вхожу в какие-то родные двери, иду по родной дороге <...>» [Эфрон 2018: 378]. В этом фрагменте отчетливо видно, что французская литература – это, своего рода, связь с Францией прошлого и Францией будущего, о возвращении в которую мечтает Г. Эфрон на протяжении всего 1943-го года: «Я проснулся, вспотев, и ужасно, конечно, злой и разочарованный. Суждено ли мне когда-нибудь перечесть мой любимый роман?» [Эфрон 2018: 378]. Важно отметить, что французская литература, в целом воспринимается автором на сентиментальном уровне, что нельзя сказать о книгах советских авторов или других европейских государств – которые также важны, интересны и дороги автору, но воспринимаются Г. Эфроном иначе, как хобби и любовь к книгам в общем понимании.

Таким образом, можно утверждать, что увлечение книгами является умственной и интеллектуальной «пищей» для автора – возможностью познания окружающего мира, духовного воспитания, в то же время, определенные книги, в частности французская литература – обладают сентиментальной значимостью для автора, которая связывает его с Францией прошлого и Францией будущего, о возвращении в которую мечтает Г. Эфрон на страницах завершающих дневников.

ВЫВОДЫ КО ВТОРОЙ ГЛАВЕ

1. Общая характеристика дневниковых тетрадей Г.С. Эфрона заключается в хронологическом, датируемом повествовании, со средней частотой обращения к тетрадям в 1-3 дня. Помимо этого, к особенностям дневникового творчества автора можно отнести двуязычный характер записей – автор обращается к ведению тетрадей на французском языке полностью, либо фрагментарно. Данная особенность обусловлена стремлением Г.С. Эфрона, по его собственным замечаниям, тренировать навык письма, в общей выразительности французского языка, а также в попытке скрыть написанное от посторонних глаз. Как правило, тексты такого рода представляют более сокровенные стороны жизни автора.

2. Не менее важной особенностью дневникового творчества Г.С. Эфрона является отсутствие исповедальной составляющей – автору свойственно опускать определенные особенности своей жизни, не давая отклик на волнующие и травмирующие события. В свою очередь, эпистолярное творчество, которое является частью анализируемого двухтомника – представляет глубокий и эмоциональный текст Г.С. Эфрона, где он комментирует опущенные в дневниках события. По замечаниям самого Г.С. Эфрона, эпистолярный – жанр, который ему ближе, соответственно, ему проще показывать подлинные чувства в переписке с реальным собеседником.

3. Обращение Г.С. Эфрона к жанру дневниковой прозы обусловлено желанием автора фиксировать особенности жизни и быта СССР, куда возвращается семья автора в июле 1939-го года. Впоследствии ведение дневника включает в себя более широкий сюжетный, тематический и мотивный спектр, и становится для автора способом структурирования своих мыслей, фиксации культурных и общественных событий, военной хроники, прочитанных книг и портретов современников, в то же время, являясь методом эмоциональной разгрузки, позволяя автору фиксировать переживания, связанные с вопросами национальной и социальной идентичности, одиночества, положения страны в условиях разворачивающейся войны.

4. На страницах дневниковых записей Г.С. Эфрона, автор воссоздает образы своего близкого окружения – матери М.И. Цветаевой, старшего товарища и мужа сестры С.Д. Гуревича (Муля), близкого друга Д.В. Сеземана (Митя), а также раскрывает образ своего первого романтического интереса – В. Передатько (Валя); параллельно останавливаясь на

образах эпизодических персонажей – гостях Дома отдыха, литературных современниках матери, друзей семьи, одноклассников, попутчиков в эвакуации. В то же время, образы отца – С.Я. Эфрона и сестры А.С. Эфрон также остаются эпизодическими, не получая полноценного развития и точных характеристик.

5. В создании образов современников, Г.С. Эфрон преимущественно опускает особенности внешности, останавливаясь на оценочных характеристиках персонажа. Исключение составляют представители близкого окружения, которых автор наделяет более подробной характеристикой, выявляя особенности внешности, характера, мировоззрения, поведенческих привычек и увлечений, создавая, таким образом психологические портреты персонажей.

6. Выражение автором дневникового текста своего «я» на материале анализируемого двухтомника осуществляется через соответствующие оппозиции, отражающие окружающий мир автора: Я – семья; Я – взрослые; Я – сверстники; Я – женщины; Я – Россия; Я – Франция; Я – СССР; Я – свидетель и участник исторических событий; Я – читатель.

7. Выявленные оппозиционные категории представляют совокупность жизненных сфер Г.С. Эфрона. Категория семьи, занимающая существование автора, является показателем его отношений с близкими, для которого характерно дистанцирование от семьи, несмотря на полноценное совместное существование; категория взрослых позволяет узнать особенности характера автора, отмечая его стремления и цели, при этом Г.С. Эфрон определяет для себя мир взрослых, как привлекательную социальную группу, находя в ней возможности для образования и развития; категория сверстников, как полноценное «поле» развития тем дружбы и одиночества, которые проходят сквозными мотивами через все мемуарное творчество автора; оппозиция «Я – женщины» позволяет воссоздать образ автора, который не был проявлен в ранее подчеркнутых категориях, представляя автора, как человека, который анализирует себя и свою внешность с точки зрения привлекательности для противоположного пола; наиболее яркими и ведущими категориями повествования, являются категории, в которых развивается поиск Г.С. Эфроном его национальной и социальной идентичности: Я – Россия; Я – Франция; Я – СССР; Я – свидетель и участник исторических событий; а также Я – читатель. Через данные оппозиции автор проходит путь от принятия себя, как советского человека, до полного отказа от связи с СССР, и возвращению к мыслям о Франции.

8. В раскрытии автобиографического «я» развиваются следующие способы саморепрезентации в дневниках Г.С. Эфрона: автор воссоздает свой образ через сравнения, отождествления, риторические вопросы, попытки соотнесения себя с окружающим пространством, в том числе социальными и культурно-историческими феноменами, опираясь на самописание или самохарактеристику, противопоставления, проецирование усвоенной информации на себя.

9. Таким образом, предметами рефлексии в дневниковых тетрадях Г.С. Эфрона становятся особенности характера, мировоззрение, увлечения, политические взгляды, круг чтения, круг общения, специфика внешности – давая оценку по данным показателям, применяя отмеченные ранее способы саморепрезентации, автор выстраивает свой автобиографический образ.

10. В создании своего «я» Г.С. Эфрон также опирается на обозначение круга социальных, исторических и психологических процессов, оказавших влияние на характер и формирование его личности. К выявленным позициям относится обозначение значимых в авторском понимании пространств – домов, городов, стран, определенных городских локаций, находящихся в соответствующей близости к автору дневникового текста – физической или метафизической.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В ходе магистерского исследования была достигнута поставленная цель, которая заключалась в выявлении особенностей саморепрезентации на страницах дневников Г.С. Эфрона 1940-1943-х годов, опубликованных в двухтомном издании под общими названиями «Неизвестность будущего» (2017) и «Записки парижанина» (2018).

Для достижения поставленной цели были реализованы соответствующие задачи. В ходе работы были рассмотрены особенности жанра дневника и эго-текстов, частью которых является корпус дневниковой литературы, а также, были охарактеризованы различные подходы к изучению дневниковых текстов в современном литературоведении. Подробно проанализирован творческий путь Г.С. Эфрона, который включает в себя не только обращение к мемуарной литературе, но и первые художественные и нелитературные опыты. Опираясь на анализируемые тексты, были выявлены особенности дневниковых тетрадей Г.С. Эфрона, в которых были обозначены и прокомментированы тематические, композиционные и стилистические особенности письма. Определен характер авторских репрезентаций в анализируемых дневниковых тетрадях, и в заключение, обобщены результаты исследовательской работы.

Несмотря на широкий исследовательский интерес к дневниковой прозе и эго-текстам, что заключается в регулярном проведении тематических конференций, публикации соответствующих научных журналов, личность Г.С. Эфрона, обширный пласт его дневниковых и эпистолярных текстов, фиксирующих становление молодой личности в условиях начала Второй мировой войны, события которой переданы глазами представителя западной культуры – на сегодняшний день не получили полноценного и подробного научного комментария. Современное литературоведение насчитывает небольшой корпус литературно-критических статей по анализируемым текстам, которые представляют определенный взгляд на жизненный путь Г.С. Эфрона, не давая научного и исследовательского обоснования его мемуарному опыту.

В последние десятилетие наблюдается положительная динамика в изучении текстов Г.С. Эфрона читательской публикой, что связано с переизданием, дополнением упомянутого двухтомника и общим интересом читателей к мемуарной литературе. То же касается и подхода к изучению текстов такого типа в архивных исследованиях, авторы которых возвращают забытые имена эго-литературы, публикуя материалы, в контексте

ключевых исторических и культурных явлений, опираясь на дневниковые тексты, как на дополнительный источник информации.

Таким образом, исследование жизни и творчества Г.С. Эфрона может быть продолжено, в рамках не только литературоведения и гуманитарных наук, но и на стыке смежных дисциплин, что позволит подойти к анализу мемуарного творчества автора более глубоко и многопланово. В то же время, отдельный интерес для научной аудитории может представлять художественное творчество Г.С. Эфрона, которое включает в себя поэтические, прозаические и переводческие работы начинающего писателя, изучение которых позволит проследить зарождение индивидуального стиля автора. В свою очередь, дополнение нового издания в виде карикатурного творчества, может служить дополнительным источником к анализу особенностей личности автора и его жизненного пути.

Исследование также может быть расширено и продолжено, например, в сопоставлении данных дневниковых текстов Г. С. Эфрона с дневниковыми текстами старшей сестры автора – А.С. Эфрон.

Список использованной литературы

Источники

Эфрон, Г.С. *Неизвестность будущего*. Москва: АСТ, 2017. 512 с.

Эфрон, Г.С. *Записки парижанина*. Москва: АСТ, 2018. 576 с.

Научная и критическая литература

Cardell, K. *Dear World. Contemporary Uses of the Diary*, University of Wisconsin Press, Madison, Wisconsin, 2014.

Gusdorf, G. *Lignes de vie I. Les écritures du moi*. Paris: Odile Jacob, 1990. p. 552.

Lejeune, Ph. *Relire son journal, in Pour l'autobiographie*. Paris: Éditions du Seuil, 1998. p. 226-228.

Lejeune, Ph. Bogaert *О взаимосвязи дневниковой прозы и категории времени*. Париж: Éditions Textuel, 2006. с. 216

Lejeune, Ph. *On Diary*, University of Hawaii Press, University of Hawaii at Manoa, 2009. p. 360

Scrivano, F. *Diario e narrazione*. Macerata: Quodlibet, 2014. p. 161

Simonet-Tenant, F. *Le journal intime*. Paris: Teraedre, 2004. p. 192

Белкина, М.И. *Скрещение судеб*. Москва: АСТ, 2017. 717 с.

Гинзбург, Л.Я. *О психологической прозе*. Ленинград: Художественная литература, 1977. 448 с.

Горяева, Т.М. Черное на белом. *Неизвестность будущего*. Москва: АСТ, 2017. с. 11-13.

Горяева, Т.М. Право на воскрешение. *Записки парижанина*. Москва: АСТ, 2018. с. 286-290.

Гудкова, В.В. *Населяя историю людьми: биографический метод как инструмент гуманитарной науки.* Журнал «AvtobiografiЯ», 2016, №5. с. 17-39

Гуллотта, А., Кривеллер, К. А. *Предисловие к журналу «AvtobiografiЯ», 2015, №4, с. 5-7*

Гуллотта, А., Кривеллер, К. *Русские автобиографические тексты: взгляд с Запада.* Журнал «AvtobiografiЯ», 2018, №8. с. 385-406

Деотто, П. *Дневник как пограничный жанр.* Журнал «AvtobiografiЯ», 2018, №8. с.11-19

Карпенко, Е.К. *Международная конференция Автобиографические сочинения в междисциплинарном исследовательском поле: Люди, тексты, практики.* Журнал «AvtobiografiЯ», 2017, №6, с. 255-269

Коркина, Е.Б., Лосская В.К. *Предисловие к дневникам Георгия Эфрона. Неизвестность будущего.* Москва: АСТ, 2017. с. 5-10.

Коркина, Е.Б., Лосская В.К. *Автопортрет на фоне одиночества. Записки парижанина.* Москва: АСТ, 2018. с. 512-519.

Курносов, А.А. *Приемы внутренней критики мемуаров. Теоретические и методологические проблемы.* Москва: 1969. с. 478-505.

Кривеллер, К. *Предисловие к журналу «AvtobiografiЯ», 2012, №1, с. 21-49.*

Попова, А.И. *А здесь – я один, сам с собой, с прошлым и переживаниями. Записки парижанина.* Москва: АСТ, 2018. с. 5-12.

Сапунова, И.П. Н.К. Корниенко (Отв. Ред). *Текстологический временник. Русская литература XX века: Письма и дневники в русском литературном наследии XX века.* Москва: ИМЛИ РАН, 2018. 880 с.

Черноморский, М.Н. *Мемуары как исторический источник.* М: 1959. с. 6-7

Интернет-источники

Luzewiz, L. Это мемуарного текста. Toronto Slavic Quarterly, 2007 [электронный ресурс] Доступно на 08.06.20: <http://sites.utoronto.ca/tsq/28/lucwicz28.shtml>

Бабицкая, В. В эвакуации писатели встретились со своей страной. 2020 [электронный ресурс]. Доступен на 08.06.20: <https://polka.academy/materials/681>

Белякова, И.Ю. *Сын поэта.* Журнал «Новый мир», 2005, №3 [электронный ресурс].
Доступен на 08.06.20:
http://www.nm1925.ru/Archive/Journal6_2005_3/Content/Publication6_2825/Default.aspx

Беляков, С.С. *Парижский мальчик Георгий Эфрон между двумя нациями.* Журнал «Новый мир», 2011, № 3 [электронный ресурс]. Доступен на 08.06.20: https://magazines.gorky.media/novyi_mi/2011/3/parizhskij-malchik-georgij-efron-mezhdu-dvumya-nacziyami.html

Бурлакова, Д. *Георгий Эфрон. Возвращение.* Журнал «Гэфтер», 2015 [электронный ресурс]. Доступен на 08.06.20: <http://gefter.ru/archive/14530>

Вальбе, Р.Б. *Марина Цветаева в письмах сестры и дочери.* 2004 [электронный ресурс]. Доступен на 08.06.20: <https://magazines.gorky.media/neva/2003/3/marina-czvetaeva-v-pismah-sestry-i-docheri.html>

Галлиулина, Д.М. *Проблема изучения мемуаров в общественной исторической мысли.* 2006 [электронный ресурс]. Доступен на 08.06.20: <https://cyberleninka.ru/article/n/problema-izucheniya-memuarov-v-otechestvennoy-istoricheskoy-mysli>

Егоров, О.Г. *Русский литературный дневник в XIX веке.* Москва: Флинта-Наука, 2003 [электронный ресурс]. Доступен на 08.06.20: https://royallib.com/book/egorov_oleg/russkiy_literaturniy_dnevnik_xix_veka_istoriya_i_teoriya_ganra.html

Зализняк, А.А. *Дневник: к определению жанра.* 2010 [электронный ресурс]. Доступен на 08.06.20: <https://magazines.gorky.media/nlo/2010/6/dnevnik-k-opredeleniyu-zhanra.html>

Зарецкий, Ю. П. *Зачем исследователям автобиографии?* Материалы конференции ВШЭ «Автобиографические свидетельства в европейской традиции: междисциплинарные перспективы исследований». 2013 [электронный ресурс]. Доступен на 08.06.20: <https://publications.hse.ru/articles/117846364>

Коркина, Е.Б. *Грустная сказка – скучная история.* Калининград: Луч-1, 1995 [электронный ресурс]. Доступен на 08.06.20: <http://tsvetaeva.narod.ru/WIN/mur/korkinaskazka.html>

Лосская, В.К. *О записных книжках Цветаевой.* Журнал «Стороны света», 2007, № 9 [электронный ресурс]. Доступен на 08.06.20: <http://www.stosvet.net/9/Losskaya/>

Михеев, М.Ю. *Дневник в России XIX-XX века – эго-текст, или пред-текст.* Москва: 2006 [электронный ресурс]. Доступен на 08.06.20: <http://uni-persona.sccc.msu.ru/site/research/miheev/kniga.htm>

Мошковский, А.И. *Георгий, сын Цветаевой.* 1999 [электронный ресурс]. Доступен на 08.06.20: <https://magazines.gorky.media/october/1999/3/georgij-syn-czvetaevoj.html>

Сеземан, Д. *Марина Цветаева, Георгий Эфрон и возвращение в СССР.* 2006 [электронный ресурс]. Доступен на 08.06.20: <https://www.svoboda.org/a/262899.html>

Шевеленко, И. *Георгий Эфрон. Дневники.* 2004 [электронный ресурс]. Доступен на 08.06.20: <https://magazines.gorky.media/km/2004/3/georgij-efron-dnevniki.html>

Янке, Г. *Дневники в исторических исследованиях: тексты и контексты раннего Нового времени.* Журнал «Новое литературное обозрение», 2019, №3 [электронный ресурс]. Доступен на 8.06.20: <https://magazines.gorky.media/nlo/2019/3/dnevniki-v-istoricheskikh-issledovaniyah-teksty-i-konteksty-rannego-novogo-vremeni.html>

DOKUMENTĀRA LAPA

Maģistra darbs “Pašreprezentācijas īpatnības Georgija Efrona dienasgrāmatās” izstrādāts LU Humanitāro zinātņu fakultātē.

Ar savu parakstu apliecinu, ka pētījums veikts patstāvīgi, izmantoti tikai tajā norādītie informācijas avoti un iesniegtā darba elektroniskā kopija atbilst izdrukai.

Autore: (_____) Marine Hačaturjana

Rekomendēju darbu aizstāvēšanai

Vadītāja: Doc. Dr. Philol. Tatiana Baryshnikova (_____) 8.06.2020.

Recenzenti: Rec. – asoc. prof. J.Sidjakovs, Rec. – doc. S.Pogodina

Darbs iesniegts Rusistikas un slāvistikas nodaļā 08.06.2020.

Studiju metodiķe: Jeļena Sevastjanova

Darbs aizstāvēts maģistra gala pārbaudījuma komisijas sēdē

___.06.2020. prot. Nr. ___, vērtējums ___ (_____)

Komisijas sekretāre: Doc. Dr. Philol. Tatiana Baryshnikova (_____)